

ВЕЩЕСТВО ПО УЧЕНИЮ МАТЕРІАЛИСТОВЪ

Das Dunkelste aller Dinge, ja das Dunke
selbst nach Einigen, ist die Materie.

SCHELLING.

I

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ признаніе какихъ-нибудь мнѣній, какого-нибудь сужденія, даже цѣлаго ученія — нелѣпостью. Обвиненія въ нелѣпости разсыпаются щедро и безъ особенныхъ затрудненій. На первый взглядъ тутъ нѣтъ ничего особеннаго; мы всѣ стремимся къ истинѣ, любимъ одну чистую, голую истину, слѣдовательно всякое отступленіе отъ нея необходимо считаемъ и называемъ нелѣпостію. Но въ чемъ состоитъ истина? Вопросъ, какъ извѣстно, старинный и трудный. Легко замѣтить, что указаніе нелѣпостей, хотя составляетъ одинъ изъ простѣйшихъ и употребительнѣйшихъ приемовъ ума, почти никогда неудерживается въ надлежащихъ границахъ; чаще же всего представляетъ явленіе ненормальное, уродливое. На самомъ дѣлѣ, какъ бы важень ни былъ обсуждаемый предметъ, какъ бы велико ни было имя дѣятеля или мыслителя, какое бы огромное историческое значеніе ни принадлежало явленію, есть умы, которые съ величайшею легкостію готовы объявить все это нелѣпостію. Изобиліе нелѣпостей въ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, стало даже ходячею истиною, ежедневною поговоркою. Человѣку свойственно ошибаться; человѣческой умъ сперва надѣлаетъ тысячу ошибокъ и только потомъ попадетъ на вѣрную дорогу, и т. д. Вотъ обыкновенныя рѣчи. На нихъ основанъ тотъ легкомысленный скептитизмъ, то равнодушіе къ явленіямъ умственнаго міра, которое такъ часто встрѣчается между образованными людьми. Попытки ума кажутся имъ рядомъ ошибокъ и заблужденій, и желая обладать только *чистою* истиною, они готовы отказаться отъ всякихъ усилій, отъ всякой умственной дѣятельности.

Тотъ же взглядъ, тоже расположеніе ума нерѣдко господствуетъ и въ горячей борьбѣ, которую иногда ведутъ люди, проникнутые какими-нибудь убѣжденіями; они бьютъ направо и налево; всюду видятъ противорѣчіе, непоследовательность, самыя грубыя уклоненія отъ очевиднѣйшей логики. Такое настроеніе мыслей доходитъ иногда до чудовищныхъ размѣровъ; при воспріимчивости и подвижности ума случается, что чего бы онъ ни коснулся, все такъ и закишитъ нелѣпостями. Нерѣдко подобное занятіе дѣлается постояннымъ вкусомъ и люди находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы всюду отыскивать нелѣпости и самыя простыя и ясныя вещи подводить подъ форму противорѣчій и несообразностей.

Исторія наукъ также обильна примѣрами неправильныхъ обвиненій въ нелѣпостяхъ. Нерѣдко наука презрительно смотритъ на все свое прошедшее; она судитъ его на основаніи своихъ настоящихъ познаній, своихъ настоящихъ приемовъ и результатовъ и потому находитъ въ немъ безчисленные поводы къ осужденію и очень рѣдкіе къ похвалѣ. Многіе чрезвычайно простодушно довѣряютъ въ этомъ случаѣ такому пониманію истины; они считаютъ за вѣрную только послѣднюю книгу, послѣдній трактатъ науки; старая книга считается негодною, бесполезною, наполненною устарѣлыми и ошибочными понятіями. При этомъ они забываютъ, что чѣмъ тверже они держатся *новѣйшаго*, тѣмъ дальше они отъ прочнаго, дѣйствительнаго познанія, потому что тѣмъ скорѣе ихъ познанія сами переходятъ въ область устарѣлыхъ, неточныхъ и невѣрныхъ.

Любопытный случай недовѣрія къ человѣческому уму представился у насъ лѣтъ десять тому назадъ. Графъ С. С. Уваровъ написалъ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Достовѣрнѣ ли становится исторія?* Его мысль была та, что едва ли съ теченіемъ времени исторія не потеряетъ своей достовѣрности. Исходя изъ того убѣжденія, что исторія и въ настоящее время представляетъ множество нерѣшонныхъ вопросовъ, неточныхъ и ложныхъ показаній, авторъ указывалъ, что разнообразіе партій, ихъ горячая борьба въ печати и тому подобныя обстоятельства увеличиваютъ до безконечности разнорѣчіе и

фальшивость свидѣтельствъ и спрашивалъ, какимъ образомъ историкъ можетъ выпутаться изъ этого хаоса и достигнуть истины?

Очевидно къ подобному вопросу могла привести только увѣренность, что ошибка и заблужденіе — постоянный удѣлъ историка, и что слѣдовательно, чѣмъ больше и чѣмъ сложнѣе его матерьялъ, тѣмъ больше онъ надѣлаетъ невѣрностей. Но предположите только, что историкъ прежде всего есть существо, способное открывать истину, что онъ имѣетъ силу извлекать ее изъ даннаго ему матерьяла, и умѣетъ цѣнить самый матерьялъ, какъ болѣе или менѣе ясное проявленіе истины. Тогда очевидно на оборотъ, чѣмъ обильнѣе эпоха проявленіями всякаго рода, тѣмъ точнѣе и отчетливѣе можетъ быть взглядъ историка.

Вообще можно замѣтить, что подобный скептицизмъ, увѣренность въ силѣ лжи и нелѣпости грѣшатъ противъ надлежащаго взгляда на міръ, на нашу человѣческую жизнь. На самомъ дѣлѣ, что такое нелѣпость? Это понятіе всего опредѣленнѣе формулируется и поясняется примѣрами въ математикѣ, гдѣ оно дѣйствительно сохраняетъ свое надлежащее значеніе. Нелѣпость — есть явное противорѣчіе; утвержденіе напримѣръ, что одна величина въ то же время и меньше и больше другой. Нелѣпость — есть бессмыслица, мысль, которую невозможно мыслить. Если же такъ, то давать нелѣпостямъ значеніе въ умственной дѣятельности человѣка значить унижать умъ. Предполагать всюду несообразности и противорѣчія значить представлять себѣ міръ хаосомъ, гдѣ ни въ чемъ нельзя найти никакого смысла. Подобное воззрѣніе противно самой сущности ума, потомучто онъ ищетъ смысла и значенія въ явленіяхъ, а не бессмыслицы. Если хотите, нелѣпостей множество въ міръ, но онѣ не имѣютъ никакой важности, ничего интереснаго, ничего глубокаго для нашего ума. Такъ математика не занимается отыскиваніемъ нелѣпостей, не опредѣляетъ и не изучаетъ ихъ; она есть свѣтлая область, и указывая на границу нелѣпостей, она никогда не переходитъ за нее. Если нашъ міръ, исторія человѣчества, исторія наукъ заслуживаютъ изученія, то и они также должны лежать въ границахъ свѣтлаго пространства. Тѣ, которыхъ умъ, прикасаясь къ предметамъ, распространяетъ на нихъ мракъ, ничего этимъ не выигрываютъ,

потомучто во тьмѣ имъ нельзя ничего видѣть. Тьма дѣлаетъ всѣ предметы равно ничтожными, равно безцвѣтными и незначительными. Если же они однакоже различаютъ формы и цвѣта, если судятъ о величинѣ и объ отношеніи предметовъ, то это значитъ, что есть свѣтъ, есть смыслъ въ этихъ явленіяхъ и зрители напрасно утверждаютъ, что ихъ тусклое зрѣніе находитъ всюду одну тьму.

Чѣмъ уже, чѣмъ одностороннѣе чьи-нибудь убѣжденія, тѣмъ больше нелѣпостей онъ находитъ въ мірѣ; немногія мысли, немногія книги, согласныя съ ними, онъ считаетъ единственнымъ свѣтомъ истины и все другое признаетъ вздоромъ, такъ что большею частію, укоряя въ нелѣпости другихъ, онъ самъ совершаетъ нелѣпость.

Припомню здѣсь удивительныя слова Лейбница, которыя такъ характеризуютъ его и вмѣстѣ должны быть правиломъ для каждаго мыслителя. «Я нашолъ,» говоритъ онъ, «что большая часть ученій почти всегда справедливы въ томъ что они утверждаютъ, и ошибаются въ томъ что отрицаютъ,» т.-е. въ томъ что признаютъ нелѣпымъ. Въ этихъ словахъ ясно выражается то всеобъемлющее глубокомысліе, которымъ отличается Лейбницъ. Обыкновенно судятъ на оборотъ; умными признаются люди, которымъ нравится отрицаніе, а не утвержденіе, которые во всемъ сумѣютъ найти нелѣпую сторону, которые очень многое бранятъ и ничего не хвалятъ.

Предыдущія замѣчанія могутъ отчасти уяснить приемы настоящей статьи. Предметъ ея есть ученіе матерьялистовъ о веществѣ и цѣль — опроверженіе нѣкоторыхъ матеріялистическихъ взглядовъ.

Что нынче много матерьялистовъ, что матеріялизмъ приобрѣлъ въ настоящее время большую силу, это всѣмъ извѣстно. Слѣдовательно предметъ интересный, и если можно опровергать матеріялизмъ, то—есть если онъ на самомъ дѣлѣ есть взглядъ невѣрный, если само въ себѣ это ученіе ошибочно, то и *должно* его опровергать. Но подъ *опроверженіемъ* разумѣютъ обыкновенно совсѣмъ не то что имѣетъ въ виду настоящая статья. Опровергать обыкновенно значитъ привести къ нелѣпостямъ, указать несообразности и противорѣчія, выставить противниковъ въ самомъ темномъ цвѣтѣ, какой только возможенъ. Между—тѣмъ такого рода опроверженіе очевидно не можетъ имѣть

большой силы и большого значенія. Матеріализмъ конечно представляетъ множество нелѣпостей, но подбирать ихъ и настаивать на нихъ есть дѣло не стоящее труда, потомучто очевидно онъ не на нихъ держится, не ими питается; сила его должна заключаться въ чемъ–нибудь разумномъ, въ какихъ–нибудь правильныхъ требованіяхъ ума и слѣдовательно на эти основанія, на глубочайшіе его корни должно обратить все вниманіе. Итакъ прежде всего нужно признать, что матеріализмъ не есть нелѣпость; нужно постараться понять въ чемъ заключается его дѣйствительная сила и только потомъ можно будетъ сдѣлать надлежащую его оцѣнку. Наилучшее опроверженіе всегда то, при которомъ противнику отдается наибольшая справедливость.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ уклоненіе отъ такихъ правилъ. Въ полемикѣ дѣло чаще всего состоитъ не въ томъ, чтобы понять противника, но въ томъ, чтобы *исказить* его. Понимать вообще стараются очень мало; въ этомъ отношеніи матеріалисты виноваты больше, чѣмъ кто–нибудь другой. Философскихъ выводовъ они не только не стараются понять, но даже отвергаютъ ихъ на томъ самомъ основаніи, что ихъ непонимаютъ; просто говорятъ: «это все вздоръ, туманная философія, гегельщина!» и тѣмъ дѣло и кончается.

Матеріалисты должны знать, что обратно философія не признаетъ матеріализма вздоромъ и что слѣдовательно, если она отвергаетъ его, то ея отверженіе имѣетъ полную силу, непрерывкаемое значеніе. Философія знаетъ матеріализмъ, матеріалисты же не знаютъ философіи; слѣдовательно философія можетъ судить о матеріализмѣ, а матеріалисты не имѣютъ права говорить о предметѣ для нихъ незнакомомъ.

Даже для того, чтобы понять матеріализмъ во всей его силѣ и глубинѣ, необходима помощь философіи. Матеріализмъ, какъ легко замѣтить, отличается отъ настоящихъ философскихъ системъ своею *безсознательностію*. Онъ не отдаетъ самъ себѣ отчета въ своихъ основаніяхъ и пріемахъ, онъ зараждается въ умахъ нѣкотораго рода произвольнымъ зарожденіемъ и представляетъ массу мнѣній, которыхъ внутренняя связь не извѣстна самимъ обладателямъ ихъ. Поэтому существуетъ безчисленное множество матеріалистовъ, но великихъ

матеріалістовъ нѣтъ; опровергая матеріализмъ, нельзя ни на кого сослаться, какъ на полнаго представителя системы.

Такимъ образомъ систему матеріализма приходится строить самимъ философамъ; они должны отыскать его исходную точку, должны прослѣдить всѣ выводы изъ главнаго начала и должны опредѣлить что послѣдовательно въ утвержденіяхъ матеріалистовъ и въ какихъ случаяхъ они впадаютъ въ непослѣдовательность.

Для того, чтобы убѣдить заранѣе въ необходимости такихъ пріемовъ, я приведу здѣсь примѣръ Бюхнера, на котораго вообще буду обращать особенное вниманіе, какъ на одну изъ великихъ знаменитостей въ своей школѣ, хотя подобная знаменитость какъ нарочно не служить школѣ особенною честью.

Извѣстно, что послѣдовательный матеріализмъ приводитъ къ атомистической теоріи вещества; мы постараемся показать это дальше, и дѣйствительно большая часть матеріалистовъ — атомисты. Между-тѣмъ Бюхнеръ повидимому не держится атомизма. Онъ говоритъ: (*Kraft und Stoff*, S. 19) «слово атомъ есть только выраженіе для неизбѣжнаго для насъ представленія, которое мы сами налагаемъ на вещество.» Итакъ атомы суть наше представленіе и слѣдовательно въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ не существуютъ. Поэтому можно бы подумать, что мы имѣемъ дѣло съ матеріалистомъ, который сознательно пошолъ дальше атомистической теоріи и понимаетъ вещество не въ видѣ атомовъ, а какъ-нибудь иначе. Между-тѣмъ ни чуть не бывало; эта фраза, повидимому столь важная, очевидно попалась въ книгу случайно и навѣяна была спорами объ атомизмѣ, о которыхъ не могъ же Бюхнеръ не знать совершенно.

На самомъ дѣлѣ тамъ же, на той же страницѣ и даже тотчасъ за приведенною фразою, объ атомахъ говорится, какъ о чемъ-то дѣйствительно существующемъ. «Мы не имѣемъ,» говоритъ Бюхнеръ, «никакого дѣйствительнаго понятія о той вещи, которую называемъ атомомъ; мы ничего не знаемъ о его величинѣ, формѣ, составѣ и проч.»

Чрезвычайно странно, что Бюхнеръ задумывается надъ составомъ *Zusammensetzung* атомовъ. Все состоитъ изъ атомовъ, но атомы по самому ихъ понятію не могутъ быть чѣмъ-то составнымъ. Но если онъ и

не знаетъ какую величину и какую форму имѣютъ атомы, то все-таки онъ вмѣстѣ съ этимъ признаетъ, что эти вещи имѣютъ *нѣкоторую* величину и *нѣкоторую* форму и слѣдовательно признаетъ, что атомы существуютъ.

Дѣйствительно вся его книга написана атомистическимъ языкомъ. Такъ, говоря о неуничтожаемости вещества (стр. 11), Бюхнеръ объясняетъ, что въ тѣлѣ человѣка «атомы смѣняются, и только ихъ сложение остается тоже. Самые же атомы неизмѣнны, неразрушимы: нынче въ этомъ, завтра въ другомъ соединеніи, они различнымъ своимъ расположеніемъ образуютъ безчисленныя формы.»

Какой смыслъ можетъ имѣть это мѣсто, если атомы признаются несуществующими? Если атомовъ нѣтъ, то нѣтъ никакого *неизмѣннаго* вещества; если атомовъ нѣтъ, то что же значить ихъ *различное расположеніе*? Между-тѣмъ Бюхнеръ нѣсколько разъ повторяетъ, что матерія бесконечно дѣлима и даже впадаетъ по этому случаю въ совершенно неправильныя толкованія о микроскопическихъ организмахъ. Противу самыхъ твердыхъ убѣжденій натуралистовъ, онъ утверждаетъ, что микроскопическія животныя имѣютъ сложную и тонкую организацію, что у нихъ такія же отправления, какъ и у высшихъ животныхъ, что вообще они *живутъ, какъ и всѣ другія животныя* (стр. 17 и 18).

Непоследовательность Бюхнера идетъ въ другомъ случаѣ еще дальше. Матеріалистъ, непризнающій атомовъ, повидимому еще дѣло возможное; но что вы скажете о матеріалистѣ, отвергающемъ существованіе *матеріи* и *силы*? А это именно дѣлаетъ Бюхнеръ. На первой же страницѣ своего сочиненія онъ приводитъ, какъ не оспоримую истину, какъ священный текстъ, слова великаго физиолога нашего времени, Дюбуа-Реймона. Вотъ эти слова: «Если идти до конца, то легко убѣдиться, что ни вещество, ни силы не существуютъ. И то и другое суть отвлеченія, взятыя съ разныхъ точекъ зрѣнія отъ вещей, какъ они суть на самомъ дѣлѣ.»

Бюхнеръ очевидно признаетъ справедливость этихъ словъ; онъ даже пробуетъ потомъ собственными выраженіями изъяснить тоже положеніе. Но если такъ, если сила и вещество суть отвлеченія, если

они на самомъ дѣлѣ не существуютъ, то чтоже дѣйствительно существуетъ? Отвѣта на этотъ правильный вопросъ нельзя найти въ цѣлой книгѣ Бюхнера. На первый разъ нельзя не удивляться странному матеріализму, который отвергаетъ и атомы и силы и самое вещество. Но при нѣкоторомъ вниманіи дѣло легко объясняется. Бюхнеръ, несмотря на всѣ декламаціи противъ авторитетовъ и слѣпой вѣры, очевидно очень подчиняется авторитетамъ; сослаться на такого ученаго, какъ Дюбоа–Реймонъ, было и очень лестно и почти неизбѣжно, и Бюхнеръ, не понявъ хорошенько его словъ, вообразилъ, что можетъ привести ихъ въ свою пользу. На самомъ же дѣлѣ цѣлая книга наполнена выраженіями, по которымъ ясно, что и силы и вещество признаются Бюхнеромъ дѣйствительно существующими. Такъ въ самой попыткѣ объяснить слова Дюбуа–Реймона, онъ говоритъ, что *тѣло, безъ силъ, безъ притяженія между частицами распалось бы въ безформенное ничто*. Ничто! какая странная неточность! Совершенно ясно, что хотя бы частицы составили и нѣчто безформенное, неосязаемое, неуловимое, все–таки это будетъ *нѣчто*, а не *ничто*. Все–таки это будетъ вещество и очевидно Бюхнеръ неумѣетъ отдѣлаться отъ него, не въ силахъ представить его несуществующимъ.

Въ этихъ ошибкахъ Бюхнера, касающихся самыхъ существенныхъ точекъ матеріализма, нельзя не видѣть крайней непослѣдовательности. Очевидно Бюхнеру не хотѣлось отстать отъ значительныхъ людей, которые въ томъ или другомъ отношеніи уже замѣтили несостоятельность матеріализма и онъ пустился вслѣдъ за ними, не замѣчая самъ куда это приведетъ его.

Итакъ Бюхнеру невозможно довѣряться при изложеніи ученія матеріалистовъ. Мы потеряли бы напрасно время, еслибы стали заниматься всѣми несообразностями, которыя попадаютъ въ его книгѣ, или которыя можно бы было найти въ книгахъ другихъ матеріалистовъ. Они рѣдко отличаются систематическою строгостію, рѣдко выражаютъ свои мнѣнія съ надлежащею точностію, и даже часто укрываются отъ возраженій въ темноту и неопредѣленность собственныхъ мыслей. Иной матеріалистъ въ свое *вещество* влагаетъ такія принадлежности и такія

явленія, что наконецъ его вещество больше похоже на духъ, чѣмъ на вещество.

Между тѣмъ принимаясь сами строить матеріялизмъ, стараясь найти самый глубокой его корень, самую дальнюю исходную точку, мы очевидно придадимъ ему всю ту силу, какую онъ можетъ имѣть. Если онъ дѣйствительно имѣетъ глубокое основаніе, то онъ долженъ обнаружиться въ явленіяхъ болѣе обширныхъ и болѣе значительныхъ, чѣмъ напримѣръ книга Бюхнера, или другая подобная. Нашедши это основаніе, мы въ состояніи будемъ слѣдить за его проявленіями тамъ, гдѣ можетъ-быть его не предполагали, и сумѣемъ также отличить то что не принадлежитъ ему у писателей явно матерьялистическихъ.

Разсматривая матерьялизмъ такимъ образомъ, мы убѣдимся напримѣръ, что главные его зачатки едвали не должны быть приписаны родоначальнику новой философіи, Декарту, бывшему вмѣстѣ великимъ натуралистомъ и математикомъ⁽¹⁾. Потомъ матеріялистическое направленіе можно будетъ указать въ цѣломъ ряду великихъ ученыхъ и геніевъ до послѣднихъ временъ. Такъ напримѣръ Ньютонъ, столь извѣстный своимъ благочестіемъ, по складу своего ума принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ матерьялистическаго мышленія.

II

Для того, чтобы найти исходную точку матерьялизма, можно сослаться на обыкновенное мнѣніе, что матеріялизмъ опирается на результатахъ естественныхъ наукъ, и на тотъ дѣйствительный фактъ, что изученіе этихъ наукъ располагаетъ къ принятію матеріялистическихъ убѣжденій. Самая книжка Бюхнера все свое значеніе получаетъ отъ того, что представляетъ не болѣе, какъ

⁽¹⁾ На это жаловался уже Вольтеръ. «Я зналъ, говоритъ онъ, многихъ, которые были приведены картезіанизмомъ къ отрицанію всякаго божества, кромѣ безконечной совокупности вещей; напротивъ нѣтъ ньютоніанца, который бы не былъ строгимъ теистомъ». Elem. de Philos. 1 Part. Chap. 1.

изложеніе результатовъ естественныхъ наукъ въ матеріалистическомъ смыслѣ.

Что касается до мнѣнія, будто бы матеріализмъ есть прямое и необходимое слѣдствіе изслѣдованій натуралистовъ, то безъ всякаго сомнѣнія оно несправедливо. Для этого достаточно указать на многихъ великихъ натуралистовъ, которые не были матеріалистами. Декартъ, Ньютонъ, Кювье могутъ служить примѣромъ. Но, что гораздо важнѣе, въ этомъ мнѣніи очевидно неправильно понимается отношеніе наукъ къ философіи. Никакая частная наука не можетъ дать въ результатѣ общаго взгляда на міръ, общей системы существующаго хотя никакая наука въ глубокихъ своихъ основаніяхъ не можетъ противорѣчить истинному міросозерцанію.

Наука — дѣло святое, одна изъ величайшихъ святынь нашего времени. Не даромъ имя ея такъ часто употребляется всуе. Но если мы дѣйствительно признаемъ ея святость, то должны помнить, что стремленіе и развитіе каждой науки есть нѣчто глубокое и непроницаемое. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить тѣ страшныя усилія ума, которыхъ требуетъ каждая наука въ надлежащемъ своемъ смыслѣ. Мы называемъ геніями, посланниками свыше тѣхъ, кто успѣетъ подвинуть ее впередъ. И въ самомъ дѣлѣ — какъ узнаютъ они эти таинственные пути, эти свободныя пространства, недоступныя обыкновенному взору? Большею частію ученые стоятъ ниже современнаго имъ состоянія своей науки и новый духъ въ ней вѣетъ *тамъ, гдѣ хочетъ*. Науки суть самостоятельные организмы, полныя глубокаго внутренняго могущества; дѣятельность человѣческаго ума въ каждой изъ нихъ ничѣмъ не стѣсняется и неограничивается и вмѣстѣ проистекаетъ изъ самой глубины ума.

Но поэтому самому жестоко ошибутся тѣ, которые вообразятъ науку оконченною, которые вздумаютъ искать въ ней готовыхъ, опредѣленныхъ результатовъ, разрѣшающихъ общіе вопросы, какіе имъ вздумается предложить. Пока наука еще не готова во всей ея цѣлости, пока она еще растетъ и развивается, до тѣхъ поръ она не имѣетъ права и отказывается давать отвѣты на такіе вопросы; то что многіе выдаютъ за ея результаты суть только неправильныя обобщенія, въ которыя легко

впадаетъ мысль. Что удивительнаго, что многіе натуралисты суть матеріалисты? Вѣдь вещество есть нѣчто дѣйствительное; его процессы и явленія существуютъ на самомъ дѣлѣ; слѣдовательно если науки о природѣ до сихъ поръ еще не вышли изъ сферы вещества и его явленій, не поднялись выше этой сферы, то есть возможность, что люди имъ преданные будутъ вѣрить въ существованіе только этой одной сферы. Сами же эти науки очевидно стремятся обнять не одну только вещественную жизнь природы, но и жизнь органическую, жизнь животную и даже человѣческую; слѣдовательно сами эти науки не заражены матеріализмомъ и при первомъ значительномъ шагѣ впередъ онъ исчезнетъ и у ихъ почитателей и у разработывателей.

Такъ химикъ разсматриваетъ составныя части человѣческаго тѣла, физикъ физическіе процессы, которые въ немъ совершаются, механикъ его механическое устройство и законы его движенія. Всѣ эти изслѣдованія совершенно правильны и истинны; но не справедливо было бы думать, что по ученію химіи весь человѣкъ вся человѣческая жизнь сводится на взаимнодѣйствіе химическихъ элементовъ, по ученію физики на игру физическихъ процессовъ и что по ученію механики человѣкъ не больше какъ машина. Ни одна изъ этихъ наукъ не имѣетъ притязанія разрѣшать загадку человѣческаго бытія, но вмѣстѣ ни одна и не можетъ противорѣчить этой загадкѣ и рано или поздно должна будетъ привести къ ней свои изслѣдованія. А между тѣмъ легко можетъ случиться, что напримѣръ химикъ вообразитъ, что самая сущность человѣка заключается въ томъ что подлежитъ изученію химіи.

Такимъ образомъ вообще естественныя науки располагаютъ, то-есть даютъ поводъ къ принятію матеріализма, но эта система не есть ихъ слѣдствіе, она является при ихъ изученіи вслѣдствіе того философскаго стремленія къ обобщенію, которое вообще создаетъ системы и которое, дѣйствуя безсознательно и ограничиваясь ближайшими предметами и наиболее знакомыми приѣмами мышленія, возводитъ ихъ на степень единой и абсолютной истины.

Поэтому въ естественныхъ наукахъ и можно искать той исходной точки, о которой мы говорили; они могутъ намъ указать то настроеніе ума, то его особенное, частное стремленіе, на удовлетвореніи котораго

держится матерьялизмъ. Чтобы избѣгнуть заранѣе упрековъ въ противорѣчіи, замѣтимъ, что частныя стремленія ума вообще законны и нисколько не противорѣчаютъ общимъ стремленіямъ, но что ошибка является въ томъ случаѣ, когда частныя стремленія признаются за общія, верховныя и единственныя.

Въ такомъ смыслѣ можно сказать вообще, что умъ человѣческой обманчивъ по самой своей внутренней природѣ. На самомъ дѣлѣ, существенное свойство ума есть его всеобщность, то-есть его ничѣмъ невозмущаемое тожество съ самимъ собою всегда и вездѣ. Въ чемъ мы несомнѣнно убѣждены, то мы считаемъ истиною для ума вообще, слѣдовательно для всякаго другого ума, гдѣ бы и когда бы онъ ни существовалъ. Поэтому каковъ бы ни былъ частный умъ, онъ всегда *самодоволенъ*, всегда признаетъ за собою возможность и право непрерываемо судить о предметахъ.

Признавая за собою непреложность дѣйствій, умъ стремится вмѣстѣ стать достойнымъ такой вѣры въ самого себя, то есть онъ старается быть вполнѣ самостоятельнымъ, ищетъ совершеннаго самообладанія, полной свободы и самосознательности дѣйствій. Между тѣмъ, какъ всякому извѣстно, несмотря на эти старанія, умъ большею частію зависитъ отъ множества вліяній. Онъ имѣетъ свое воспитаніе, свои наслѣдственныя свойства, свои привычки, свои страсти и свои болѣзни. Въ частныхъ умахъ вообще можно встрѣтить тысячи особенностей. Понятно, что если умъ, сильно подчинившійся этимъ вліяніямъ и особенностямъ, будетъ однакоже признавать себя за общій умъ, то отсюда проистекутъ самая разнообразныя заблужденія.

Каковъ умъ, таковы его и требованія. То есть смотря по своимъ особенностямъ онъ будетъ однимъ удовлетворяться, одно признавать яснымъ, понятнымъ, истиннымъ, а другое отвергать. Извѣстныя занятія извѣстную умственную дѣятельность, частный умъ будетъ находить пріятною, дѣльною, существенно-важною, а на другія смотрѣть съ презрѣніемъ.

Поэтому то что удовлетворяетъ умъ, не всегда есть истина, даже большею частію не есть истина. Петрушка Чичикова, какъ намъ извѣстно, занимаясь чтеніемъ, находилъ удовольствіе въ томъ, что «изъ

буквъ вѣчно выходитъ какое–нибудь слово, которое иной разъ чортъ знаетъ что и значить.» И тутъ, какъ видите, было своего рода умственное удовлетвореніе, притомъ законное и правильное, хотя до какой–нибудь истины отсюда еще очень далеко. Конечно и человекъ, умѣющій только находить связь между словами, но мирный читатель, равнодушно поглощающій изложеніе разнообразнѣйшихъ мнѣній, тысячи извѣстій и событій, или утѣшающій свою жизнь безконечною вереницею романовъ, также не можетъ быть названъ ни любителемъ и искателемъ истины, ни любителемъ изящнаго.

Между тѣмъ какъ часто самая ничтожная дѣятельность ума считается совершенно достаточною, какъ–будто тотъ, кто ей предается, уже черпаетъ изъ самаго источника правды. На этомъ основанъ даже тотъ преувеличенный авторитетъ, который нерѣдко придаютъ ученымъ вообще. У ученаго обыкновенно подозрѣваютъ особенную мудрость, какую–то глубину и остроту ума, тогда какъ нерѣдко ученый цѣлую свою жизнь только повторяетъ какой–нибудь простѣйшей умственной приѣмъ, напримѣръ опредѣляетъ насѣкомыхъ или граматическія формы словъ въ греческихъ книгахъ. Хорошо, если ученые сами видятъ цѣль и значеніе своихъ умственныхъ занятій, но случается и противное. Такъ иной физикъ или фізіологъ цѣлую жизнь дѣлаетъ наблюденія и цѣлую жизнь заботится объ ихъ *точности* и восхищается ихъ точностью, не замѣчая, что у него большая часть наблюденій, какъ слова у Петрушки Чичикова, чортъ знаетъ что значать. Вообще спеціалисты находятъ полное удовлетвореніе ума иногда въ вещахъ самыхъ незначительныхъ. Извѣстные научные приѣмы и формы дѣлаются для ученаго столь пріятными, что онъ, повторяя ихъ безпрестанно, совершенно доволенъ и забываетъ, а иногда и презираетъ все остальное.

Въ этомъ отношеніи издавна и съ большимъ соблазномъ прославились математики. Извѣстно, что математика собственно говоря ничему не научаетъ; она есть наука формальная, то–есть она не заключаетъ въ себѣ никакихъ познаній о чемъ–нибудь дѣйствительно существующемъ, не даетъ ни малѣйшей точки опоры для сужденія о дѣйствительности. Между тѣмъ математики до того влюбляются въ свои

строгія выкладкі, въ свои наглядныя построенія, въ точныя, отчетливыя и тонкія соображенія, что начинаютъ высококомѣрно смотрѣть на всѣ другія науки. Все кажется имъ шаткимъ, неточнымъ, неопредѣленнымъ. «Говоря строго — пишетъ Лапласъ, — всѣ наши познанія только *вѣроятны*; съ достовѣрностью намъ извѣстно немного, именно то что содержать науки математическія...»⁽¹⁾ Если только вспомнимъ, что науки математическія не содержатъ ровно ничего, никакого реального познанія, то намъ будетъ понятно, почему математики должны приходиться къ скептицизму, къ невѣрію во всякое познаніе. Дѣйствительно какъ натуралисты часто бываютъ матеріалистами, такъ точно математики дѣлаются скептиками; скептицизмъ замѣтно парализуетъ ихъ умственную дѣятельность во всей остальной области познаній, а иногда уступаетъ мѣсто непростительному суевѣрію, въ которомъ умъ ихъ ищетъ пищи, ненаходимой въ пустынь математическихъ соображеній. Паскаль и Ньютонъ не единственные примѣры такого повидимому страннаго поворота. Въ прошломъ вѣкѣ Даламберъ находилъ нужнымъ защищать математиковъ противъ упрековъ въ сухости и безплодіи ихъ ума.⁽²⁾ Разумѣется ему и въ мысль не приходило, чтобы эти упреки были справедливы и онъ полагаетъ даже, что математика есть лучшее приготовленіе къ философіи. Вообще сказать этого никакъ нельзя, потому что и самый скептицизмъ математиковъ не есть настоящій философскій скептицизмъ, но является *безсознательно*, какъ матеріализмъ натуралистовъ.

Очевидно, что при частныхъ занятіяхъ умственная дѣятельность совершается однакоже правильно, что она требуетъ даже особеннаго напряженія, имѣетъ важное и ничѣмъ не замѣнимое значеніе, и что только неправильное значеніе, которое придаетъ ей умъ, ведетъ къ заблужденію. Если мы теперь изслѣдуемъ, какая частная дѣятельность ума требуется науками естественными, то въ этой дѣятельности и найдемъ источникъ матеріализма. Какъ скоро эта дѣятельность идетъ правильно и сообразуется гармонически съ другими требованіями

⁽¹⁾ Essai philos. sur les probab. p. 1.

⁽²⁾ Enciclop. mathem. art. «Geometre».

мышленія, ошибки не будетъ; какъ скоро она считается абсолютною и единою, является матеріализмъ.

III

Естественныя науки занимаются внѣшнимъ міромъ или природою. Природою въ этомъ смыслѣ называется именно все то, что находится *внѣ* духа, слѣдовательно познается какъ внѣшнее или вообще можетъ быть познаваемо какъ внѣшнее.

Что значить здѣсь *внѣ*, можно объяснить себѣ такимъ образомъ. Духъ или мышленіе при такихъ выраженіяхъ представляется какъ точка, какъ нѣкоторый центръ, изъ котораго разсматривается существующее. То что полагается несосредоточеннымъ и по своей сущности находящимся только на окружности, называется поэтому внѣшнимъ. Дѣятельность, которую обнаруживаетъ умъ, обращаясь къ внѣшнимъ предметамъ, называется *представленіемъ*. Поэтому всѣ естественныя науки постоянно занимаются *представленіемъ*, все равно будетъ ли это представленіе дѣйствительныхъ предметовъ, или только предполагаемыхъ, напримѣръ эфиръ, атомы и т. п. Матеріализмъ есть именно система, основанная на дѣятельности представленія, ограничивающая всѣ познанія этою дѣятельностью и потому отвергающая всякое другое *пониманіе* вещей.

На самомъ дѣлѣ понятно, что если я что-нибудь ясно *представляю* себѣ, то имѣю нѣкоторое познаніе объ этомъ предметѣ; вообразите систему только такихъ познаній, которыя *представляемы*, — это будетъ матеріализмъ.

Представленіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь употребляемъ это слово, легко отличается отъ всякаго другого мышленія или пониманія. Именно оно имѣетъ двѣ опредѣленныя формы, *пространство* и *время*; оно обнаруживается только въ этихъ формахъ и притомъ непременно въ той и другой вмѣстѣ. Представлять или воображать себѣ что-нибудь, значить мысленно видѣть это въ пространствѣ и времени. Весь внѣшній міръ или природу мы мыслимъ не иначе, какъ въ пространствѣ и времени. Въ этихъ формахъ мы представляемъ все что

воспринимаемъ какъ внѣшнее, и также все что только мыслимъ какъ внѣшнее; такъ напримѣръ, хотя мы не замѣчаемъ, какъ земля вращается около своей оси, но мы легко можемъ себѣ это представить, такъ какъ это есть явленіе пространственное и временное.

Высочайшее чувство для воспріятія внѣшняго міра есть зрѣніе; поэтому у философовъ представленіе называется особеннымъ терминомъ, именно *воззрѣніемъ* (Anschauung). Натуралисты дѣйствительно больше всего употребляютъ зрѣніе; это ихъ главное чувство, *міровое чувство*, какъ называетъ Фрисъ.

Представленіе въ извѣстномъ смыслѣ есть простѣйшее и первоначальнѣйшее дѣйствіе мышленія; оно столь обыкновенно и столь ясно, что чаще всего его не замѣчаютъ, какъ особенное дѣйствіе, не считаютъ его въ числѣ другихъ проявленій ума. Поэтому одна изъ величайшихъ заслугъ одного изъ величайшихъ философовъ, именно Канта, состоитъ въ анализѣ представленія.

Чтобы убѣдиться въ особенностяхъ представленія, въ его отдѣльности отъ остальной области мышленія, нужно углубиться въ значеніе его формъ, *пространства* и *времени*. Эти два слова обозначаютъ намъ предметы до того ясные, до того опредѣленные и отличные отъ всѣхъ другихъ, что мысль, разъ остановившись на нихъ, не можетъ не подозрѣвать ихъ настоящаго значенія.

Мы можемъ представлять себѣ, что не существуетъ какой угодно предметъ, даже что весь міръ не существуетъ; но мы *не можемъ представить, что не существуетъ пространство и время*. Что же это значитъ? Только то, что, не представляя пространства и времени, нельзя ничего представлять, что безъ нихъ самое представленіе невозможно.

Пока намъ не нужно здѣсь изслѣдовать сущность представленія, опредѣлять, въ чемъ состоитъ эта дѣятельность; мы стараемся только найти, чѣмъ оно отличается, съумѣть отличить его отъ другихъ умственныхъ дѣятельностей. Поэтому для насъ довольно знать, что представленіе совершается не иначе, какъ подъ условіемъ пространства и времени; то-есть какъ скоро мы начинаемъ представлять, то необходимо представляемъ пространство и время, и

какъ—будто уже потомъ, уже на готовомъ фонѣ рисуемъ какія намъ угодно фигуры.

Мы не будемъ здѣсь рѣшать вопроса о томъ, что такое пространство и время? но очевидно вопросъ этотъ самъ собою является на этомъ мѣстѣ. Такъ какъ мы назвали представленіе умственной дѣятельностью, то рѣшеніе это должно бы имѣть слѣдующій видъ. Мы должны бы были показать, что представленіе есть одна изъ необходимыхъ дѣятельностей мышленія, то—есть, что по самой сущности мышленія одно изъ его проявленій должно быть представленіе. Далѣе нужно было бы вывести, что представленіе необходимо должно имѣть двѣ формы, что этихъ формъ можетъ быть только двѣ и что они должны быть именно такія, какъ впервыхъ — пространство, и вовторыхъ — время.

Въ настоящемъ случаѣ для насъ важнѣе всего то, что самый вопросъ существуетъ, что онъ требуетъ рѣшенія и что рѣшеніе это возможно. Вопросъ, *что такое пространство и время?* явился у насъ потому, что мы обратили вниманіе на самую дѣятельность представленія, стали *мыслить о представленіи*. Но тотъ, кто не мыслить, а только представляетъ, очевидно, что бы и сколько бы ни представлялъ, не можетъ встрѣтить подобнаго вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ, что чья—нибудь умственная дѣятельность ограничивается только представленіемъ. Очевидно онъ можетъ предложить вопросъ такого рода: что такое китъ? Этотъ вопросъ требуетъ *представленія* кита, то—есть отвѣтъ долженъ состоять изъ описанія формы, устройства, движеній и пр. названнаго животнаго, такъ чтобы спрашивающій могъ его себѣ представить. Пространство и время здѣсь какъ бы уже готовое полотно и нужно только на нихъ рисовать.

Но отвѣтъ становится невозможнымъ, какъ скоро это полотно отнимается и слѣдовательно рисовать не на чемъ. Когда спрашивается, что такое пространство и время, то я уже не могу отвѣчать какими—нибудь пространственными или временными объясненіями; а долженъ отвѣчать чѣмъ—нибудь такимъ, куда бы уже не входило пространство и время; слѣдовательно если у меня есть только одни представленія, то я

не могу отвѣчать, потому что для представленія уже необходимо нужны пространство и время.

Если же такъ, то здѣсь мы можемъ повѣрить, справедливо ли наше опредѣленіе матеріализма. Если матеріализмъ дѣйствительно состоитъ изъ однихъ представленій, то въ немъ не должно быть отвѣта на этотъ вопросъ, и даже самый вопросъ долженъ казаться чѣмъ-то темнымъ, непроницаемымъ для мысли.

Дѣйствительно это такъ. Какъ одну изъ самыхъ глубокихъ отличительныхъ чертъ матеріализма можно привести то, что матеріализмъ не знаетъ, что такое пространство и время, и даже не знаетъ, что объ этомъ можно спрашивать и слѣдовательно мыслить, и слѣдовательно отвѣчать на вопросъ.

Тоже самое должно сказать и о всей области естественныхъ наукъ. О пространствѣ и времени, какъ о чѣмъ-то особенномъ, они знаютъ только изъ языка. Языкъ, живая человѣческая рѣчь, строится внутреннею силою народнаго смысла; въ немъ дѣйствуютъ глубокія философскія начала. Поэтому въ языкѣ существуютъ такія отвлеченія, какъ *пространство* и *время*. По духу языка возможенъ вопросъ, *что такое пространство и время?* Но матеріалисты и натуралисты невольно задавая себѣ такой возможный вопросъ, останавливаются передъ нимъ, какъ-будто онъ былъ какимъ-то случайнымъ сочетаніемъ словъ, несодержащимъ никакого смысла.

Математики, астрономы, натуралисты всякаго рода — безпрестанно встрѣчаются съ этими таинственными предметами, *пространствомъ* и *временемъ*, безпрестанно замѣчаютъ это чистое полотно, на которомъ они стараются изобразить себѣ ту или другую часть великаго мірозданія. Нерѣдко они и говорятъ о пространствѣ и времени, но легко убѣдиться, что натуралисты никогда не дѣлали никакого, даже самага малаго успѣха въ пониманіи или разрѣшеніи этого недоступнаго для нихъ вопроса. Очень нерѣдко у нихъ попадается выраженіе — *всякому извѣстно, что такое пространство и время*. Такъ Ньютонъ въ своей безсмертной книгѣ: «Principia mathematica philosophiae naturalis», говоритъ: *не опредѣляю что такое время и пространство, такъ какъ это всѣмъ совершенно извѣстно*. Но очевидно,

вопросъ здѣсь такого рода, что на него совершенно умѣстно было бы дать извѣстный отвѣтъ: пока меня не спрашиваютъ что такое пространство и время, мнѣ кажется, что я знаю ихъ; а какъ спросили, оказывается, что незнаю. И дѣйствительно — всѣ знаютъ пространство и время — это значить только, что всѣ ихъ представляютъ; вопросъ же требуетъ не того, чтобы мы ихъ представляли (что и легко и неизбежно), а чтобы мы объ нихъ мыслили, чтобы составили о нихъ понятіе.

Такимъ образомъ изъ всего предыдущаго ясно, что *возможно мышленіе безъ представленія*; ибо иначе мы должны отказаться отъ всякихъ вопросовъ о пространствѣ и времени. Но мы знаемъ, что мысль не терпитъ принужденія; ей все позволено; для нея не существуетъ дерзости или нескромности. Слѣдовательно мы волей-неволей должны признать за нею право дѣйствовать не стѣсняясь представленіями.

Матеріялисты, если хотятъ быть послѣдовательными, не должны вовсе предлагать себѣ вопросовъ о пространствѣ и времени. Такъ они и дѣлаютъ; такъ дѣлаетъ и Бюхнеръ. Только въ одномъ мѣстѣ, но зато совершенно неожиданно, отрывочно и ни съ чѣмъ не сообразно у него является слѣдующая фраза: *къ веществу не примѣнимы понятія о пространствѣ и времени, извнѣ привившіяся нашему конечному духу* (стр. 17).

Къ сожалѣнію эта фраза принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя могутъ невозвратно погубить автора въ глазахъ читателя; еслибы тысячеустая молва не повторяла имени Бюхнера, то конечно не стоило бы и останавливаться на такихъ странностяхъ. Можно сильно ошибаться въ убѣжденіяхъ, можно дурно и неточно выражаться; но непозволительно рядиться въ павлиньи перья, не позволительно усиленно давать своимъ выраженіямъ философскій оттѣнокъ и набрать наконецъ столько чужихъ, дурно-понимаемыхъ словъ, что вышла дикая неладница и противорѣчіе съ самимъ собою.

Мысль, которую хочетъ сказать Бюхнеръ, чрезвычайно проста; приведенная фраза служитъ у него выводомъ изъ того, что намъ трудно представить, что вещество не имѣетъ конца въ пространствѣ и времени и что оно также дѣлимо до безконечности. Тутъ безконечность представляетъ трудность для представленія. Но съ чего Бюхнеръ взялъ,

что это зависит от *нашихъ понятій* о пространствѣ и времени, совершенно непонятно. На самомъ дѣлѣ, если что всего легче представить себѣ безконечнымъ и безконечно-дѣлимымъ, такъ именно пространство и время.

Какія это *наши понятія* о пространствѣ? Какія есть другія извѣстныя Бюхнеру? Этому онъ не объясняетъ, нигдѣ и не касается этого вопроса.

Что значить *извнѣ привитыя*? Развѣ есть внутреннія, апіорическія? Но Бюхнеръ потомъ всѣми силами доказываетъ, что существуютъ только одни извнѣ привитыя понятія.

Наконецъ что значить *нашъ конечный духъ*? Слѣдовательно есть духъ безконечный? И онъ имѣетъ другія понятія? Не извнѣ привитыя?

Куда это наконецъ мы уходимъ отъ чистаго, голаго матеріализма, отъ точныхъ результатовъ естественныхъ наукъ?

Къ сожалѣнію вся книга Бюхнера отличается такого рода напыщенностью, доходящею почти до недобросовѣстности. Чтобы говорить извѣстнымъ языкомъ, нужно понимать этотъ языкъ; чтобы приводить мѣста изъ писателей, нужно понимать этихъ писателей. Бюхнеру хотѣлось сдѣлать свою книгу философскою и вотъ онъ подбираетъ тѣ выраженія и цитаты изъ философовъ, которыя кажутся ему понятными; отъ этого книга получаетъ фальшивый блескъ, но въ глазахъ знающихъ тѣмъ ниже падаетъ.

Итакъ мы можемъ, несмотря на случайную фразу Бюхнера, принять, что матеріалисты не составляютъ понятій о пространствѣ и времени, такъ что самая возможность этихъ понятій уже подрываетъ основанія матеріализма.

Если въ этомъ случаѣ рѣшать вопросъ, что такое пространство и время, кажется труднымъ, слѣдовательно трудно *мыслить безъ представленій*, трудно понимать что-нибудь безъ помощи пространства и времени, то въ другихъ случаяхъ мышленіе безъ представленій бываетъ гораздо легче. Замѣтимъ поэтому, что вообще такое мышленіе есть дѣло очень обыкновенное, ежедневное, свойственное каждому. У насъ есть цѣлый разрядъ явленій, которыя являются намъ только во времени, но не въ пространствѣ, слѣдовательно никакъ не могутъ быть вполнѣ представляемы. Сюда принадлежатъ на примѣръ страсти,

чувства, желанія и пр. вообще всѣ душевныя явленія. Говоря о нихъ, мы совершенно ясно знаемъ о чемъ говоримъ; такъ какъ это наши собственныя состоянія, то мы знаемъ ихъ даже лучше, чѣмъ явленія намъ чуждыя, внѣшнія для насъ. Представить ихъ въ пространствѣ мы однакоже никакъ не можемъ.

При всемъ томъ мышленіе представляющее для насъ несравненно легче и съ него первоначально начинается процессъ самого мышленія. Мы легче анализируемъ, легче обнимаемъ не самую страсть, а ея выраженіе въ видѣ явленій представляемыхъ, напримѣръ въ чертахъ лица, въ взглядахъ, въ движеніяхъ и проч. Между тѣмъ центръ и смыслъ всего этого заключается внутри, въ явленіи непредставляемомъ.

Такъ какъ мышленіе начинается представленіями, то отъ этого произошло, что языкъ, который является уже при первыхъ явленіяхъ мышленія, имѣетъ описательный характеръ, то-есть характеръ представленій. Языкъ преисполненъ образовъ и самыя отвлеченныя слова по своему значенію имѣютъ смыслъ представительный. *Совершенство* происходитъ отъ *верхъ*, *понятіе* отъ *понимать*, т. е. обнимать, схватывать и т. д. Мы говоримъ — теченіе мыслей, волненіе души, и пр. Намъ невозможно избѣжать этихъ выраженій; потому и философскія книги, въ которыхъ идетъ дѣло о мышленіи предметовъ, а не объ ихъ представленіяхъ, и они пишутся языкомъ представленій. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ трудностей ихъ пониманія; въ нихъ языкъ представленій долженъ выражать непредставляемые предметы. Совершенно обратную трудность представляютъ книги по математическимъ и физическимъ наукамъ. Здѣсь темнота является какъ слѣдствіе сложности самыхъ представленій, вслѣдствіе того, что кромѣ представленій ничего нѣтъ. Мы легче понимаемъ исторію или романъ, потому что тутъ смѣшиваются и представленія и понятія непредставляемыя.

Послѣ этого понятно, что ученые, постоянно занятые представленіями, обращенные всѣмъ своимъ вниманіемъ ко внѣшнему міру, должны развивать въ себѣ въ сильной степени представительное мышленіе, тогда какъ способность мыслить безъ образовъ остается неразвитою и темною. Имъ остается неяснымъ, спутаннымъ все, чего

нельзя представить и дѣло часто кончается совершеннымъ отверженіемъ всего что непредставляемо. При этомъ никто не вздумаетъ подумать, что онъ не вполнѣ развилъ свою способность мыслить; учиться мышленію никто не хочетъ; какъ извѣстно въ этомъ отношеніи всѣ болѣе склонны учить, чѣмъ учиться. И вотъ является крайній, сильнѣйшій аргументъ матеріалистовъ: помилуйте, говорятъ, я этого *не понимаю* (слѣдовательно это нелѣпость); я этого никакъ *не могу себѣ представить* (слѣдовательно это не существуетъ).

Такъ какъ матеріализмъ отрицаетъ всю область мышленія кромѣ представленія, то отсюда необходимо является его существенная черта — отрицаніе множества явленій. Убѣжденія матеріалистовъ по преимуществу состоятъ въ томъ, что они отвергаютъ и то, и другое, и третье. Припомните слова Лейбница — *системы большею частію ошибаются, когда отрицаютъ*. И дѣйствительно матеріализмъ есть одна изъ самыхъ ошибочныхъ системъ.

IV

Подойдемъ теперь ближе и посмотримъ что же признаютъ матеріалисты.

Для нихъ, какъ основа всему сущему, существуетъ пространство и время; и то и другое признаются не имѣющими никакой основы, необходимо существующими, потомучто ихъ невозможно не мыслить, т.-е. невозможно не представлять. Другими словами матеріализмъ представляетъ себѣ пространство и время и далѣе не идетъ.

Вотъ первожданная стихія матеріализма. Безконечное пустое пространство, безконечное пустое время — вотъ условіе всѣхъ вещей, вотъ ихъ главный корень, вотъ то что содержитъ въ себѣ все существующее и безъ чего ничто не могло бы быть.

Вѣрный своему началу, матеріализмъ не сомнѣвается въ бытіи этого безконечнаго пустого пространства и безконечнаго пустого времени; онъ ихъ представляетъ, онъ не можетъ ихъ не представлять, слѣдовательно они существуютъ, они суть нѣчто сущее.

Въ такомъ убѣжденіи матеріализмъ естественно впадаетъ въ намѣреніе описать то, что онъ знаетъ. Дѣйствительно математики и физики нерѣдко описываютъ пространство и время. Они говорятъ напримѣръ:

Пространство не имѣетъ границъ; части его ничѣмъ не отличаются одна отъ другой; оно неподвижно; оно повсюду проникаемо.

Всматриваясь въ это описаніе, легко замѣтитъ здѣсь что-то несообразное. Прежде всего ясно, что всѣ признаки приписываемые пространству, чисто отрицательные. Очевидно описаніе пространства составлено по образцу описанія *физическаго тѣла*; всякое тѣло непроницаемо, подвижно, имѣетъ границы, и части его отличаются по своему положенію; пространство не имѣетъ этихъ опредѣленій. Слѣдовательно пространство противопоставляется тѣлу, такъ что тѣло и пространство здѣсь ставятся на одномъ ряду и ихъ существенныя свойства суть вмѣстѣ ихъ существенныя различія.

Нельзя не почувствовать, что такое сопоставленіе не совсѣмъ правильно; и въ самомъ дѣлѣ гдѣ основанія для того, чтобы сравнивать пространство именно съ тѣломъ, а не съ чѣмъ-нибудь другимъ, напримѣръ хотя бы съ *временемъ*? Признаки пространства у физиковъ выходятъ дѣйствительно странные, какъ и должно быть когда сравниваются два неоднородные предмета. Нельзя напримѣръ рѣшать, какъ замѣтилъ Пигасовъ, дважды-два больше или меньше стеариновой свѣчи, или какъ у Пушкина, что лучше — хорошій завтракъ или дурная погода?

Пространство не имѣетъ границъ. Но развѣ понятіе границы приложимо къ пространству? Граница есть предѣлъ между одною и другою частью пространства; слѣдовательно можно говорить только о границахъ *въ пространствѣ*, а не о границахъ пространства. Сказать — пространство не имѣетъ границъ значить тоже, что сказать: *пространство занимаетъ собою все пространство.*

Части пространства ни чѣмъ не отличаются одна отъ другой. Очевидно однакоже, что само по себѣ пространство и не можетъ имѣть никакихъ частей. Мы можемъ различать части только въ томъ что существуетъ въ пространствѣ; найдя опредѣленныя части, мы можемъ и

сравнивать ихъ между собою и рѣшать одинаковы ли они или нѣтъ. Сказать же о пространствѣ, что оно вездѣ себѣ подобно, значить сказать только, что *въ каждомъ мѣстѣ пространства существуетъ одинаковое пространство.*

Пространство неподвижно. Опять къ пространству прилагаются понятія, которыя къ нему не могутъ быть прилагаемы. Движеніе возможно только въ пространствѣ; нелѣпо воображать, что пространство само заключено въ какомъ-то другомъ пространствѣ и предлагать себѣ вопросъ — движется ли оно въ немъ, или нѣтъ? Нелѣпо также сказать: каждая часть пространства постоянно остается въ той же части пространства.

Пространство всюду пронизуемо. Здѣсь отъ пространства отрицается положительный признакъ сопротивленія какому-нибудь движенію. Но что такое движеніе? Перемѣна мѣста, переходъ изъ одной части пространства въ другую. Слѣдовательно движеніе возможно только при существованіи пространства. И обратно — пространство кромѣ возможности движенія, ничего въ себѣ не заключаетъ, т.-е. оно не только не сопротивляется движенію, но и не ускоряетъ его, и не измѣняетъ его направленія и вообще не управляетъ имъ никакимъ образомъ. Сказать, что пространство пронизуемо — значить сказать очень мало; нужно вообще сказать, что пространство само въ себѣ не заключаетъ никакихъ силъ, производящихъ явленія и никакихъ законовъ, по которымъ эти явленія происходятъ. Словомъ, что въ пространствѣ всюду находится только пространство и ничего болѣе.

Не менѣе странны бываютъ и описанія времени. Напримѣръ великій Ньютонъ выражается такъ, что время *течетъ равномерно* (aequabiliter fluit). Но чтоже это значить? Не болѣе, какъ то, что въ равныя времена проходятъ равныя времена. Или также Ньютонъ очень замысловато замѣчаетъ, что *порядокъ* частей времени и пространства неизмѣняемъ. Если выразимъ точнѣе ту же мысль, то мы должны будемъ сказать напримѣръ, что нельзя взять часть времени изъ одной части времени и перенести ее въ другую.

Вообще при всѣхъ подобныхъ описаніяхъ является немислимое раздвоеніе пространства и времени, т.-е. само пространство

воображается помещеннымъ еще въ другомъ пространствѣ, и время проходящимъ еще въ другомъ времени.

Чтоже мы выведемъ изъ этого разбора? Впервыхъ то, что натуралисты не имѣютъ никакой возможности сказать что бы то ни было о пространствѣ и времени. Если они начинаютъ говорить объ этомъ, то слова ихъ ничего не выражаютъ. Потомъ, изъ предыдущаго разбора видно, почему натуралисты ошибаются, воображая, что могутъ описывать пространство и время. Они полагаютъ, что это какъ бы дѣйствительные предметы, какъ бы дѣйствительная основа и нѣдро мірозданія; а между-тѣмъ, когда вздумаютъ поставить эту основу въ существенное отношеніе, въ настоящую связь съ предметами существующими, то оказывается, что пространство и время ничего не опредѣляютъ, какъ ничему и не мѣшаютъ, что въ нихъ въ полномъ смыслѣ слова нѣтъ ничего. У нихъ нѣтъ никакихъ свойствъ и потому ничто не можетъ зависѣть отъ ихъ свойствъ; ихъ ни съ чѣмъ нельзя сравнивать и ни отъ чего отличать. Съ другой стороны пространство и время вовсе не являются намъ чѣмъ-то таинственнымъ, въ чемъ бы можно было искать болѣе глубокой сущности. Нельзя сказать — пусть эти свойства негодятся; поищемъ другихъ, болѣе дѣйствительныхъ. Напротивъ мы совершенно хорошо знаемъ пространство и время, мы такъ-сказать видимъ ихъ насквозь и разсуждаемъ о нихъ, какъ бы опираясь на пониманіе самой ихъ сущности.

Итакъ мы знаемъ пространство и время, и однакоже въ этомъ знаніи не содержится никакого дѣйствительнаго познанія. Это знаніе похоже на формулу $A = A$, которая конечно совершенно ясна, но зато и совершенно ничего не содержитъ.

Отсюда очевидно, что мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительными предметами, а съ отвлеченіями, съ созданіями нашего собственнаго мышленія, которыя потому-то и ясны, что цѣликомъ созданы нами же самими, потому и не даютъ намъ никакого понятія о дѣйствительности, что совершенно отъ нея оторваны.

На самомъ дѣлѣ легко показать, что убѣжденіе натуралистовъ въ дѣйствительномъ существованіи пустого или чистаго пространства и пустого или чистаго времени есть слѣдствіе нѣкотораго рода

оптического обмана, который заставляет их невольно раздвоять все воспринимаемое изъ внѣшняго міра, такъ—что они всюду видятъ или представляютъ впервыхъ пустоту, а вовторыхъ то что наполняетъ эту пустоту.

Дѣйствительно, обратимся къ опыту, къ непосредственному наблюденію. Кто, гдѣ и когда видѣлъ пустое, всюду себѣ подобное пространство, или время? По самой сущности дѣла пустого пространства или времени и воспринимать нельзя. Для воспріятія необходимо, чтобы что—нибудь было въ пространствѣ и времени, т. е. необходимо, чтобы пространство не было вездѣ одинаково и время не представляло какого—то однороднаго теченія. Сущность міра заключается именно въ томъ, что время и пространство наполнены, а не пусты. Само собою понятно, что до—тѣхъ—поръ, какъ мы умышленно будемъ представлять ихъ себѣ совершенно пустыми, до—тѣхъ—поръ мы не будемъ имѣть возможности поставить ихъ въ связь съ дѣйствительнымъ бытіемъ, до—тѣхъ—поръ пространство, и время будутъ для насъ самымъ мертвымъ, самымъ ничтожнымъ, самымъ непонятнымъ и ни к чему не ведущимъ предметомъ.

Математики и астрономы часто говорятъ, что части пространства ничѣмъ не отличаются одна отъ другой. Но если мы возьмемъ дѣйствительное, настоящее пространство, то найдемъ между его частями огромныя различія. Міръ заключается въ пространствѣ и слѣдовательно части пространства отличаются между собою точно также какъ части міра. Въ одной вы находите твердую землю, въ другой подвижное море, третьей тонкій воздухъ, или наконецъ лучи небесныхъ свѣтилъ, такъ что самое прямое и простое наблюденіе, первая черта въ описаніи дѣйствительнаго міра, будетъ состоять въ томъ, что части міроваго пространства не одинаковы, не похожи одна на другую.

Мы выражаемъ это при помощи того раздвоенія, о которомъ сказано выше; мы говоримъ: однородныя части пространства *заняты* или наполнены разнородными предметами. Разсмотрите внимательнѣе такое выраженіе и вы убѣдитесь, какъ оно обманчиво.

Тѣла занимають пространство. Можно подумать, что тѣло и пространство совершенно независимы между собою, что пространство есть ящикъ, въ который можно положить что угодно и которому все равно что въ немъ лежитъ. Между-тѣмъ тѣла *необходимо* занимають пространство, потомучто протяжонность есть ихъ существенное свойство. Пространство не только *содержитъ* въ себѣ тѣла, оно *содержится* въ самихъ тѣлахъ; не оно даетъ мѣсто тѣламъ, но сами тѣла по своей сущности обладаютъ своимъ протяженіемъ.

Для насъ не ясно обратное предложеніе, именно, что *пространство необходимо должно представлять въ себѣ тѣла.* Но понятно, что это и есть то самое предложеніе, которое мы должны стремиться доказать, если хотимъ постигнуть міръ. Разнообразіе пространства и времени есть, какъ мы сказали, первый фактъ, первое простѣйшее и самое общее явленіе. Найти его причины — значить не что иное, какъ показать необходимость происхожденія этого факта, его неизбѣжное явленіе изъ самой сущности вещей.

То, что сказано о пространствѣ, можно вполнѣ примѣнить и ко времени; не только міровыя явленія совершаются *во* времени, но они по самой сущности своей *временныя*; не только время ихъ содержитъ въ себѣ, но они сами неизбѣжно содержать въ себѣ время. Обратное предложеніе, что время необходимо должно представлять явленія, что части его неизбѣжно должны различаться по содержанію, — это предложеніе есть цѣль, къ которой мы неизбѣжно стремимся, есть теорема, которая заранѣе признается человѣческимъ умомъ и которой доказательство онъ всячески старается найти.

Что міровое пространство и время не суть тѣ пустыя формы, которыя такъ легко представляются и которыя не имѣютъ никакой связи съ тѣмъ что въ нихъ содержится, въ этомъ можно убѣдиться множествомъ соображеній. Говорятъ на примѣръ, что пространство пронцаемо, что оно безразлично къ движенію и мѣсту тѣлъ. Между-тѣмъ математики потомъ приходятъ въ сильное затрудненіе, когда оказывается, что тѣла обнаруживаютъ *сопротивленіе*, когда что-нибудь измѣняетъ ихъ положеніе или движеніе въ пространствѣ. Это

сопротивленіе они называютъ силою *инерціи*, и это одно изъ самыхъ темныхъ понятій механики.

Но если тѣла какимъ–то образомъ связаны со своими мѣстами, то очевидно и наоборотъ мѣста тѣлъ, пространства, ими занимаемая или проходима, также связаны съ тѣлами. Одно безъ другого полагать нельзя. Слѣдовательно тѣла *зависятъ* отъ пространства. Понятно даже, что такая зависимость совершенно необходима. Еслибы пространство ничего не значило для тѣлъ, еслибы оно повсюду было совершенно доступно для каждаго тѣла и каждаго движенія, то міръ не представлялъ бы никакого порядка и правильности. Этотъ порядокъ, это отсутствіе хаоса возможно только потому, что каждое тѣло занимаетъ свое мѣсто и каждое движеніе совершается по своему пути и слѣдовательно міровое пространство, содержащее эти мѣста и эти пути, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сказать держитъ на себѣ міровой порядокъ.

Вообще пространство и время, если ихъ принимать за пустыя формы, суть вещи ничтожныя, несущественныя, *неосвязаемыя*, какъ иногда выражаются натуралисты. Между–тѣмъ мы ежедневно убѣждаемся, что тысячи вещей зависятъ отъ пространства и времени. Иногда говорятъ: *разница пустая: она состоитъ только въ пространствѣ и времени!* Но не трудно убѣдиться, что часто это огромная разница!

Предыдущихъ соображеній кажется совершенно достаточно для нашей цѣли. Именно мы хотѣли доказать, что натуралисты не просто наблюдаютъ природу или списываютъ ее, но что они вмѣшиваютъ въ нее построения своего ума. Мы хотѣли подсмотрѣть тотъ умственный процессъ, которымъ они раздвоили міръ на его форму — пространство и время, и на его содержаніе — вещество и его явленія. Раздвоеніе это совершенно правильно, но дастъ намъ истинное познаніе только тогда, когда мы будемъ понимать, что форма не существуетъ безъ содержанія и содержаніе существенно определяется формою.

Натуралисты же *не мыслятъ* объ этой зависимости, объ этомъ единствѣ, но *представляютъ* себѣ отдѣльно форму и отдѣльно содержаніе; и то и другое для нихъ одинаково существуетъ.

Мы старались показать, что ихъ форма — чистое пространство и время, по самой сущности своей — пуста и прозрачна, что она есть

чистое отвлеченіе. Такъ это слѣдуетъ изъ словъ самихъ натуралистовъ. Хотя они и представляютъ себѣ пространство и время, но за представленіями скрывается движеніе болѣе глубокаго мышленія; поэтому они бессознательно начинаютъ смотрѣть на свое пространство и время, какъ на совершенное *ничто*; сущности же и *бытія* начинаютъ искать въ томъ что содержитсяъ въ пространствѣ и времени.

Мы послѣдуемъ за ними въ этихъ исканіяхъ. Натуралисты не замѣчаютъ, что если пространство и время стали для нихъ *отвлеченіемъ*, то и то что осталось, то что содержитсяъ въ пространствѣ и времени, будетъ также отвлеченіемъ. Міръ есть прекрасная гармоническая сфера; изучая его, натуралисты нашли, что онъ, какъ-будто въ оболочкѣ, заключенъ въ пространствѣ и времени; они сняли эту оболочку и отбросили ее, какъ пустую шелуху. Точно также они потомъ снимаютъ и отбрасываютъ слой за слоемъ, воображая, что такимъ образомъ могутъ добраться до глубокаго таинственнаго зерна. По окончаніи работы чтоже оказывается? Зерна нигдѣ нѣтъ и весь міръ разрушонъ въ безоблачные обломки.

V

Тѣ явленія, которыя мы можемъ представлять, слѣдовательно явленія, происходящія вмѣстѣ и въ пространствѣ и во времени, мы называемъ *вещественными* явленіями. Вся жизнь природы, все ея безконечное разнообразіе и безчисленныя превращенія подходятъ подъ это опредѣленіе.

По глубокому и существенному движенію ума мы не останавливаемся на простомъ созерцаніи этихъ явленій, но начинаемъ искать ихъ *сущности*, то-есть мы разлагаемъ явленія на самыя явленія, которыя разсматриваемъ уже какъ *видимость*, и на то что въ нихъ является, что служитъ основою имъ, на *сущность*. Сущность вещественныхъ явленій есть *вещество*.

Мы вовсе не имѣемъ здѣсь въ виду объяснять, въ чемъ состоитъ это движеніе ума, различающее сущность отъ явленій; мы просто указываемъ на такое различіе, какъ на фактъ. Между явленіемъ и его

сущностию существуетъ противоположеніе, которое каждому болѣе или менѣе знакомо. Напримѣръ сущность есть причина явленій, а явленія вполне зависятъ отъ сущности. Всякая переменна, которая произошла бы въ сущности, была бы уже явленіемъ; поэтому сущность полагается неизмѣнною, всегда одинаковою, тогда какъ явленія могутъ всячески измѣняться. Точно также всякое разнообразіе сущностей есть уже нѣкоторое явленіе; поэтому сущность полагается однообразною, *вездѣ* одинаковою.

Вотъ та норма, по которой натуралисты строятъ свое понятіе о веществѣ, то-есть о сущности вещественныхъ явленій. Но у нихъ, какъ мы знаемъ, есть особый приѣмъ мышленія, который входитъ во всѣ ихъ построенія, именно представленіе. Они не только просто мыслятъ вещество какъ сущность, имъ нужно представить эту сущность, нужно видѣть ее въ образахъ; такимъ образомъ получается *вещество натуралистовъ*.

Въ природѣ, во внѣшнемъ мірѣ, собственно говоря, мы находимъ только одно пространство, различное въ своихъ частяхъ и потому различнымъ образомъ дѣйствующее на насъ, какъ-будто посылающее изъ разныхъ мѣстъ разные лучи къ нашей центральной точкѣ зрѣнія, къ тому началу координатъ, отъ котораго мы мѣряемъ весь міръ.

Но какъ скоро представленіе уже отличило пустое пространство отъ того что въ немъ содержится, то оно полагаетъ, что это содержимое, эта сущность *не занимаетъ всего пространства*, слѣдовательно ограничено, раздѣлено пустыми промежутками, разбито на отдѣльныя части.

Въ самомъ дѣлѣ очень легко представлять себѣ, что вещество занимаетъ все пространство, но также легко представить, что оно занимаетъ только часть его; наконецъ можно представить, что его и вовсе не существуетъ. Слѣдовательно въ представленіи нѣтъ причины отвергать ограниченность вещества. Между-тѣмъ утверждать, что все пространство наполнено веществомъ, невозможно, потому что тогда пришлось бы доказывать, что пространство *необходимо* заключаетъ въ себѣ вещество, что гдѣ пространство, тамъ и вещество и что слѣдовательно нѣтъ *пустого пространства*.

Вотъ причина, по которой никакъ не могло удержаться въ силѣ ученіе о совершенной полнотѣ пространства. Это ученіе какъ извѣстно принадлежало Декарту. Нѣкогда оно было предметомъ многихъ споровъ между картезіанцами и послѣдователями Ньютона. Этотъ взглядъ Декарта на пространство и вещество принадлежитъ къ числу гениальнѣйшихъ его мыслей. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь полагается необходимое отношеніе между пространствомъ и веществомъ, и кромѣ того сохраняется цѣлость міра, хотя цѣлость чисто механическая. Если пространство полно, то всѣ части міра взаимно связаны, могутъ имѣть взаимное вліяніе.

При обыкновенномъ же взглядѣ натуралистовъ этого нѣтъ. У нихъ вещество является отдѣльными массами, ничѣмъ не связанными, потомучто пустое пространство не можетъ служить никакой связью. Далѣе мы увидимъ какъ натуралисты избѣгаютъ этой трудности.

Теперь же замѣтимъ, что вообразивши себѣ вещество отдѣльнымъ, отличнымъ отъ пространства и занимающимъ только нѣкоторыя его части, они стараются потомъ придать ему вполнѣ свойства сущности. Сущность должна быть неизмѣнна. Какимъ образомъ можно *представить* себѣ неизмѣнную сущность? Нужно представить себѣ нѣчто протяжонное, что бы было неизмѣнно въ самомъ своемъ протяженіи, нужно создать абсолютно *твердыя* частицы. Поэтому вещество необходимо полагается абсолютно твердымъ. Эта твердость несправедливо иногда называется *непроницаемостью*; потомучто она состоитъ не только въ томъ, что частица не можетъ занять меньшаго пространства, не можетъ уступить своего протяженія другой частицѣ, но также въ томъ, что никакая частица вещества не можетъ занять большаго пространства, не можетъ расширяться, хотя бы пространство въ кругъ нея было и совершенно пусто.

Абсолютно-твердое вещество дѣйствительно есть настоящее вещество натуралистовъ. Таково вещество у самого Декарта, таково оно у Ньютона и у всѣхъ физиковъ. Напрасно иногда говорятъ, что такое понятіе о веществѣ сообщается намъ осязаніемъ; осязаніе никогда не можетъ ручаться за абсолютную твердость, для него существуетъ множество вещей мягкихъ и жидкихъ, существуютъ всевозможныя

степени сопротивленія, обнаруживаемаго веществомъ. Для него, какъ и для другихъ чувствъ, вещество измѣнчиво и разнообразно; только передъ теоріею, передъ умственнымъ взглядомъ вещество каменѣетъ въ неподвижныя и повсюду одинаковыя формы.

Отсюда одинъ шагъ до атомовъ, до частицъ недѣлимыхъ и ни въ какомъ смыслѣ не измѣняемыхъ, до частицъ, всюду одинаковыхъ, вездѣ между собою равныхъ ⁽¹⁾. Атомизмъ есть единственная, совершенно правильная, неизбѣжная форма, въ которой можно *представлять* себѣ вещество. Господство атомизма въ нынѣшнихъ естественныхъ наукахъ не есть прихоть или увлеченіе: онъ строго вытекаетъ изъ началъ, на которыхъ развиваются эти науки.

Часто конечно случается, что натуралисты и даже матеріалисты полагаютъ вещество до безконечности дѣлимымъ. Но въ такомъ случаѣ *неизмѣнную* сущность ума нельзя просто представлять: ее нужно какъ-нибудь иначе *мыслить*, а если только допустить разъѣдающее начало мышленія въ эту область, то едва ли что-нибудь сохранить въ ней свой прежній видъ.

Итакъ частицы неизмѣнно-твердыя, непроницаемыя и неразширяемыя — вотъ вещество натуралистовъ, вотъ сущность, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ вещественныхъ явленій. Многіе натуралисты очень ясно видѣли, что таково именно вещество, которое они разумѣютъ подъ этимъ словомъ. Такъ Пулье говоритъ: «Несправедливо говорить, что вещество имѣетъ два существенныхъ свойства: *протяженіе* и *непроницаемость*; это не свойства, а опредѣленіе. Представляютъ себѣ (on conçoit) нѣчто непроницаемое и называютъ это веществомъ, вотъ и все.»⁽¹⁾.

Точно такъ Эйлеръ въ своихъ «письмахъ къ немѣцкой принцесѣ ⁽²⁾» утверждаетъ, что сущность тѣлъ намъ совершенно извѣстна и что она состоитъ въ *протяженности, непроницаемости и инерціи*. Замѣтимъ, что инерцію натуралисты обыкновенно не считаютъ принадлежностію

⁽¹⁾ О мнимой непроницаемости веществъ и о смыслѣ атомовъ можно найти разсужденія въ статьѣ «Объ атомист. теоріи вещества», «Русск. Вѣстн.» 1860, Май.

⁽¹⁾ Elements de Physique. T. 1 p. 4.

⁽²⁾ Lettres a une Princesse d'Allemagne. Deuxieme partie, lettres LIII et LIV.

сущности. Эйлеръ доказываетъ, что она принадлежитъ необходимо всѣмъ тѣламъ, но этого доказательства обыкновенно не принимаютъ; да и ясно, что инерція есть нѣчто мыслимое, а не представляемое.

Какъ бы то ни было, Эйлеръ рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Самые осторожные умы не могутъ не признать, что эти три качества необходимы для того, чтобы составить тѣло. Но они сомнѣваются въ томъ, достаточны ли эти три признака. Быть можетъ, говорятъ они, есть еще многія другія свойства, которыя также необходимы для сущности тѣла.»

«Но я спрошу ихъ: еслибы Богъ создалъ существо, лишонное этихъ неизвѣстныхъ свойствъ и обладающее только указанными тремя свойствами, ужели они усомнились бы назвать это существо тѣломъ? Безъ сомнѣнія нѣтъ.»

То—есть, хотя бы вещество было совсѣмъ не таково, какъ мы его представляемъ, но наше представленіе о немъ ясно и отчетливо, и Богъ, какъ существо всемогущее, могъ бы создать вещество по этому образцу.

На такомъ опредѣленномъ пониманіи вещества остановиться однакоже очень трудно; на самомъ дѣлѣ — чтоже есть въ этомъ веществѣ? Какимъ образомъ оно можетъ быть корнемъ всѣхъ явленій природы? Очевидно представленіе, доведя вещество до окончательной формы, въ тоже время совершенно убило въ немъ всякую возможность проявленія, сдѣлало его пустымъ, ничего не содержащимъ, ничтожнымъ. Неизмѣнныя, непроницаемыя частицы, эта вторая стихія матеріялизма, точно также не объясняютъ намъ міра, какъ и матеріялистическое пространство и время.

Вотъ почему матеріялисты обыкновенно уклоняются отъ опредѣленія вещества; они любятъ говорить о томъ, что вещество есть корень вещей, основа всего существующаго, а между-тѣмъ не хотятъ указать на точное понятіе вещества, хотя это точное понятіе совершенно одинаковымъ образомъ обнаруживается въ каждомъ курсѣ механики, физики или химіи. Матеріялисты любятъ представлять вещество какъ что-то глубокое, неизслѣдимое; они часто говорятъ, что *сущность его неизвѣстна*.

Подъ этими рѣчами скрывается просто отвращеніе мысли отъ того пустого фантома, который создаетъ представленіе; но матеріалисты будутъ непослѣдовательны, если они вложить въ вещество или даже только будутъ подозрѣвать въ немъ какія-нибудь новыя начала, напримѣръ жизненную силу или что-нибудь подобное. Всякое подобное предположеніе будетъ произвольнымъ мечтаніемъ и не удержится передъ правильнымъ развитіемъ матеріалистическаго взгляда.

Бюхнеръ, какъ и другіе, не опредѣляетъ вещества и вообще ничего не опредѣляетъ. Легко понять, какъ мало твердости въ убѣжденіяхъ, у которыхъ всегда остается задняя лазейка и которыя въ случаѣ опасности тотчасъ превращаются въ скептицизмъ. Трудно опровергать матеріалиста, если на вопросъ что такое вещество, онъ отвѣчаетъ: не знаю.

Впрочемъ у матеріалистовъ есть одно доказательство, которое повидимому совершенно оправдываетъ ихъ понятіе о веществѣ, какъ о сущности. Съ большимъ увлеченіемъ они ссылаются на результаты естественныхъ наукъ, по которымъ *вещество не исчезаетъ и не появляется вновь*, слѣдовательно вполне представляетъ неизмѣнность сущности. Молешотъ, а за нимъ и Бюхнеръ напыщенно называютъ это *безсмертіемъ* вещества, забывая, что смерть и безсмертіе могутъ относиться только къ живому.

Предметъ этотъ весьма важенъ и гораздо сложнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Натуралисты тысячу и тысячу разъ повторяютъ: при всевозможныхъ перемѣнахъ, при всѣхъ химическихъ разложеніяхъ и соединеніяхъ *количество вещества остается одно и тоже*. Но спросите ихъ что они называютъ *количествомъ* вещества, какимъ образомъ они мѣряютъ эту сущность, и вы убѣдитесь, что они вовсе не добрались до этой сущности, какъ можно бы подумать сначала.

Очень часто простодушные физики и химики отвѣчали на этотъ вопросъ такъ, что количество вещества есть *число атомовъ* и что это количество не измѣняется, потомучто ни одинъ атомъ не происходитъ и не исчезаетъ.

Отвѣтъ конечно былъ бы вполне удовлетворителенъ, еслибы можно было убѣдиться въ его справедливости, то—есть еслибы дѣйствительно можно было пересчитывать атомы. Но такъ какъ атомовъ никто не видалъ и считать ихъ нельзя, то очевидно они только мысленно подставляются туда, гдѣ слѣдуетъ быть неизмѣнной сущности. Другими словами — прямые факты, прямые наблюденія представляютъ *измѣнчивое* вещество; если мы будемъ *прямо* мѣрять его количество, то окажется, что это количество измѣняется. Чтобы избѣжать этого, мы рассматриваемъ наблюдаемая переменныя величины только какъ явленіе, какъ функцію постоянныхъ величинъ, то—есть атомовъ, и атомы принимаемъ за мѣру.

Можно было бы наприимѣръ измѣрять вещество объемами, но объемы тѣлъ измѣняются: таже масса воздуха можетъ занять объемъ въ десять, двадцать разъ большій и во столько же разъ меньшій. Поэтому и говорятъ, что хотя объемъ измѣняется отъ разныхъ причинъ, но число атомовъ при этомъ остается одно и то же.

Между—тѣмъ очевидно, что объемы самая приличная мѣра для вещества; протяжонность есть существенное его свойство; неизмѣнное вещество есть вмѣстѣ вещество неизмѣнно—протяжонное, абсолютно—твердое; слѣдовательно его неизмѣнный объемъ долженъ служить ему настоящей мѣрою. Извѣстно однакоже, что физики давно уже отказались отъ надежды измѣрять этотъ дѣйствительный объемъ вещества; наблюдаемая ими тѣла всѣ измѣняютъ свой объемъ, и границы этому измѣненію никакой нѣтъ.

Итакъ чѣмъ же измѣряется количество вещества? *Вѣсомъ*. Вѣсъ — вотъ то неизмѣнное, то неизблемо—постоянное, что натуралисты нашли въ природѣ, среди ея безчисленныхъ переменъ и превращеній.

Возьмите кусокъ льда и взвѣсьте его; потомъ растопите его, хоть тутъ же на вѣсахъ. Ледъ превратится въ воду, но вода будетъ вѣсить столько же, сколько вѣсилъ ледъ. Вотъ фактъ. Можно ли однакоже изъ него прямо заключать, что количество вещества при такомъ превращеніи осталось тоже самое?

Никакимъ образомъ. Для доказательства приведу, что великій Лавуазье, тотъ самый, который научилъ химиковъ употреблять вѣсы,

полагалъ, что при этомъ количество вещества измѣняется. Самое превращеніе онъ объяснялъ тѣмъ, что со льдомъ соединяется особенное невѣсомое вещество, теплородъ, что это вещество входитъ въ промежутки атомовъ льда и что такимъ образомъ изъ него происходитъ вода.

Предположеніе Лавуазье конечно есть чистая гипотеза; но точно такую же гипотезу представляетъ и то предположеніе, что количество вещества въ приведенномъ опытѣ нисколько не измѣнилось.

Съ другой стороны мы знаемъ случаи, когда вѣсъ тѣлъ измѣняется. Извѣстно, что на экваторѣ то же тѣло вѣситъ менѣе, чѣмъ въ нашихъ широтахъ. Вообще вѣсъ тѣлъ измѣняется смотря по разстоянію ихъ отъ центра земли. При этомъ мы однакоже никакъ не полагаемъ, что число атомовъ въ нихъ уменьшается или увеличивается, или вообще, что количество вещества въ нихъ претерпѣваетъ какую-нибудь перемѣну. Слѣдовательно вѣсъ не есть что-либо неизмѣнно-связанное съ этимъ количествомъ, не есть его абсолютная мѣра. Такъ что и здѣсь, какъ при атомахъ, мы только предполагаемъ нѣчто неизмѣнное, но не находимъ его въ прямомъ опытѣ.

Въ природѣ ничто не исчезаетъ и ничто не можетъ произойти изъ ничего; это безъ сомнѣнія справедливо и было извѣстно не только нынѣшнимъ натуралистамъ, но и древнимъ греческимъ и восточнымъ мудрецамъ. Но о *чемъ* здѣсь рѣчь, что именно не исчезаетъ, въ этомъ весь вопросъ. Не исчезаетъ *сущность*, потому что невозможность исчезанія лежитъ въ самомъ понятіи сущности. Но все дѣло въ томъ, какъ мы понимаемъ эту сущность. Если я скажу — міръ есть проявленіе Вѣчнаго Разума, то этимъ самымъ я признаю Вѣчный Разумъ столь же неизмѣнною сущностью, какъ матеріалисты признаютъ свое вещество. Ошибка матеріалистовъ состоитъ не въ исканіи сущности, а въ томъ, что они торопятся облечь ее въ образы, что они понимаютъ ее въ видѣ того абсолютно-твердаго вещества, котораго нѣтъ въ природѣ, до котораго нельзя добраться никакимъ образомъ. Посмотрите, какъ Бюхнеръ описываетъ то что неизмѣнно въ природѣ:

«Атомъ кислорода, азота или желза вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ есть одна и таже вещь, имѣетъ тѣже *имманентныя*

ему свойства⁽¹⁾, и никогда, втеченіе цѣлой вѣчности не можетъ стать чѣмъ–нибудь инымъ. Гдѣ бы онъ нибылъ, онъ вездѣ будетъ тѣмъ же самымъ существомъ; изъ самага разнороднаго соединенія при распаденіи онъ выйдетъ снова тѣмъ же самымъ атомомъ, какимъ вступилъ въ него. Но никакъ и никогда атомъ не можетъ произойти вновь, или исчезнуть изъ бытія: онъ можетъ только перемѣнить свои соединенія. Вотъ тѣ основанія, по которымъ вещество *безсмертно...*»

Какъ нельзя лучше видно изъ этого мѣста, что Бюхнеръ есть совершенный атомистъ. Если же такъ понимать сущность вещества, то справедливо можно сказать матеріалистамъ: вашей сущности, вашего вещества нѣтъ въ природѣ; вы сами его выдумали, сами создали и потомъ подставляете его вездѣ, постоянно предполагая, что измѣненія до него не касаются.

VI

Возвратимся теперь снова на точку зрѣнія матеріализма. Мы имѣемъ пустое пространство и время; въ этой пустотѣ заключаются частицы вещества, протяжонныя, абсолютно–твердыя и вѣчно–неизмѣнныя. Достаточно ли этого для того, чтобы построить міръ?

Извѣстно, что были ученія, которыя старались довольствоваться этими стихіями — пустотою и веществомъ. Таково было ученіе древнихъ греческихъ атомистовъ. Всѣ вещи, всѣ существа природы у нихъ происходили отъ случайнаго столкновенія атомовъ.

Подобнымъ образомъ старался построить природу и Декартъ. Дайте мнѣ — говорилъ онъ — вещество и движеніе и я создамъ вамъ міръ. Движеніе по его ученію дано веществу искони, и, никогда не уменьшаясь, только передается и видоизмѣняется.

Эйлеръ, который во многихъ отношеніяхъ приближается къ Декарту, также думалъ, что для объясненія физическаго міра достаточно того вещества, котораго сущность состоитъ въ протяжонности, непроницаемости и инерціи. «Непроницаемость — говоритъ онъ — заключаетъ въ себѣ источникъ тѣхъ силъ, которыя

(1) Бюхнеръ, какъ я уже говорилъ, любитъ употреблять *трансцендентныя* слова.

непрерывно измѣняютъ состояніе тѣль въ мірѣ; вотъ истинное рѣшеніе великой загадки, которая столько мучила философовъ»^(1[1])

Такимъ образомъ были попытки объяснить міръ посредствомъ чистаго механизма, то-есть такого, при которомъ сущность явленій полагалась вполнѣ заключенною въ пространствѣ, времени и веществѣ. Очевидно однакоже, что здѣсь является уже новый элементъ, новая стихія — *движеніе*. На первый взглядъ можно подумать, что это не есть что-либо существенное, что переменна, называемая движениемъ, нисколько не касается сущности движущагося; такъ и старались понимать это чистые механики. Но легко убѣдиться въ противномъ.

Въ самомъ дѣлѣ вещество безъ движенія не образуетъ міра. Міръ, какъ я уже сказалъ, представляетъ разнообразіе въ пространствѣ и времени. Это-то разнообразіе и требуется объяснить, и если мы вообразимъ только всюду одинаковое и неизмѣнное вещество, то получимъ прямо противное, то-есть разрушимъ, а не создадимъ міръ. Натуралисты, создавая свое вещество и олицетворяя въ немъ сущность міра, забыли, что этой сущности нужно придать дѣйствующее, *измѣняющее* начало, то начало, изъ котораго могло бы проистечь все разнообразіе явленій.

Такое начало составляетъ для нихъ *движеніе*. Движеніе они принимаютъ за единственное возможное измѣненіе въ мірѣ. Это послѣдовательно вытекаетъ изъ точки зрѣнія, потомучто дѣйствительно движение есть единственная *представляемая переменна*. Всякую другую переменну нельзя представлять, нужно мыслить; одно движение, какъ явленіе пространственное и временное доступно представленію. Притомъ всякая другая переменна повидимому касается самой сущности измѣняющагося предмета; движение же не измѣняетъ сущности, потомучто время и пространство, которыя при этомъ измѣняются, полагаются ничтожными, неимѣющими существеннаго отношенія къ предмету.

Вотъ почему матеріалисты все объясняютъ однимъ движениемъ. Но откуда же является движение, отъ чего оно зависитъ? Самый простой отвѣтъ на этотъ вопросъ конечно былъ бы тотъ, что движение

^(1[1]) Lettres a une Princesse d'Allem. 2-me partie. L. IX.

необходимо принадлежить веществу, что оно вытекает из самой его сущности. Дѣйствительно такое мнѣніе было излагаемо и защищаемо въ знаменитой матеріалистической книгѣ прошлаго столѣтія — «Systeme de la Nature». Но по началамъ матеріализма оно никакъ не можетъ быть оправдано. Мы *можемъ* представить себѣ тѣло въ покоѣ; представленіе тѣла ни мало не требуетъ представленія движенія; слѣдовательно никакъ нельзя доказать, что движеніе есть необходимая принадлежность тѣла.

Вотъ почему Декартъ и Эйлеръ, которые въ этомъ отношеніи мыслили матеріалистически, должны были для того чтобы объяснить міровое движеніе, прибѣгать къ прямому дѣйствию высочайшаго существа. Такое особенное, отдѣльное происхожденіе движенія ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ представленіи никакъ нельзя необходимо связать его съ веществомъ.

Разсмотрите пристальнѣе движеніе и вы убѣдитесь, что оно есть предметъ очень сложный и что именно въ немъ содержится главная сущность міровыхъ явленій. Движеніе есть нѣчто измѣнчивое и неопредѣленное. Пространство только одно, и можетъ быть только одного рода; вещество также только одно, и по самой сущности своей не можетъ быть разнаго рода. Движеніе же можетъ быть *до безконечности разнообразно*. Если вы скажете: частицы вещества имѣютъ *какое-то* движеніе, *нѣкоторое* движеніе, то изъ этого еще невозможно построить міръ, потомучто воображая себѣ, что *всякія* движенія возможны, мы будемъ представлять себѣ только хаосъ.

Вообще нельзя сказать, что вещество имѣетъ возможность всячески двигаться, потомучто всѣ наши усилія направлены къ тому, чтобы объяснить дѣйствительныя движенія вещества, слѣдовательно къ тому, чтобы показать, что эти движенія необходимы, и потому никакія другія движенія невозможны.

Для этого очевидно необходимо допустить, что вещество, по самой сущности міра, имѣетъ *опредѣленныя*, правильныя движенія, то-есть что оно *необходимо* имѣетъ такія движенія, въ силу которыхъ образуетъ явленія, находимыя нами въ мірѣ. Но движенія опредѣленныя значить движенія, происходящія по опредѣленному математическому *закону*;

такъ что движеніе приводитъ насъ къ существованію *законовъ*, или правилъ. Эти законы, какъ ясно изъ предыдущаго, нисколько не связаны съ сущностью вещества, потомучто не входятъ въ представленіе этой сущности. Чтоже они такое? То—есть мы опять ищемъ ихъ сущности, опять желаемъ *представить* себѣ ихъ существованіе. Но здѣсь кончается всякая возможность представлять. Самое образное, самое живое, что могли здѣсь придумать натуралисты, есть понятіе *силы*; они говорятъ, что законы движенія зависятъ отъ существованія силъ, извѣстнымъ образомъ производящихъ эти движенія. «Довольно странно, пишетъ Дюбуа–Реймонъ, что для нашего стремленія къ отысканію причинъ есть какое–то удовлетвореніе въ невольнo — рисующемся передъ нами образѣ руки, подвигающей самонедѣтельное вещество, или незримыхъ щупальцевъ, которыми частицы вещества обхватываютъ другъ друга, тащутъ къ себѣ другъ друга, чтобы наконецъ слиться въ одинъ комокъ».

Такимъ образомъ представленіе, желая оживить міръ, невольнo прибѣгаетъ къ знакомымъ явленіямъ животной жизни, то—есть къ области высокой и явной дѣятельности. Но все–таки *сила*, какъ я уже сказалъ, не есть что–либо представляемое и потому остается для натуралистовъ чѣмъ–то непроницаемо–темнымъ.

Какъ бы то ни было, но признавая силы, они очевидно въ нихъ признаютъ истинно–созидающее начало міра; уже не пространство и время, не вещество, но силы суть дѣйствительный источникъ всего порядка, всѣхъ явленій. Теперь міръ готовъ, потомучто дѣйствующее начало найдено и слѣдовательно можно наполнить пространство и время всевозможнымъ разнообразіемъ. Міръ матеріалистовъ есть міръ *представляемый*, то—есть существующій въ пространствѣ и времени; какъ скоро дана сущность — вещество, и его перемѣна — движеніе, то уже ничего больше не требуется для полнаго созерцанія.

Мы видѣли какъ этотъ міръ слагается изъ его отдѣльныхъ стихій. Пространство и время воображается пустотою; въ нее влагается вещество. Вещество представляется неизмѣннымъ и неизмѣющимся въ себѣ никакого закона перемѣнъ; ему придаются силы.

Очевидно представлєніє дѣйствуетъ разъединяющимъ, раздробляющимъ образомъ; оно разбиаетъ мїръ на отдѣльныя несвязныя стихїи.

Я старался показать, что пространство и время необходимо связаны съ веществомъ, что вещество не есть что-либо неизмѣнное; теперь нужно показать, что силы не суть что-то особое отъ вещества, только данное ему, но что они вытекають изъ его сущности.

Отношенїе между силою и веществомъ уясняется очень хорошо, если мы возьмемъ самое общее понятїе вещества. Подъ веществомъ или матерїею мы прежде всего разумѣемъ такъ-сказать *матерїаль*, изъ котораго состоитъ вещь. Такъ мы спрашиваемъ: изъ какого вещества сдѣлана эта ложка? Изъ *чего* состоитъ гора? Въ такомъ смыслѣ вещество необходимо противоплагается *формѣ* и всѣмъ другимъ пространственнымъ отношенїямъ. Самому веществу мы не приписываемъ никакой существенной формы, считаемъ его безформеннымъ; форму же полагаемъ приданною веществу, слѣдовательно зависящею отъ чего-то другого, внѣшняго. Точно такъ вещество не имѣетъ и движенїя; движенїе дается ему извнѣ. Еще общѣе — вещество противоплагается каждому дѣйствию или явленїю. Такъ мы спрашиваемъ — какое вещество даетъ такой вкусъ? какое даетъ такой цвѣтъ? Вкусъ и цвѣтъ мы противоплагаетъ *тому, что* производитъ этотъ вкусъ и этотъ цвѣтъ. *Силою* въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова мы называемъ способность дѣйствовать такъ или иначе; такъ что для каждаго явленїя необходимо нетолько, чтобы было нѣчто, производящее явленїе, но кромѣ того, чтобы это нѣчто имѣло силу производить это самое явленїе. Вслѣдствїе такого умственного процесса вещество необходимо считается чѣмъ-то бездѣйственнымъ; оно не есть вещь или явленїе, а только то, изъ чего состоитъ вещь и что производитъ явленїе; сила же есть то что изъ вещества составляетъ вещь и что въ немъ производитъ явленїе.

Совершенно ясно, что въ дѣйствительности мы находимъ только вещи и явленїя, и что слѣдовательно какъ вещество, такъ и сила суть созданїя нашего собственнаго ума. Притомъ эти понятїя являются непременно разомъ; они тѣсно связаны между собою; полагая, что

вещество не дѣятельно, мы тѣмъ самымъ приписываемъ дѣятельность чему-то другому, именно силѣ. Такимъ образомъ, если мы только будемъ помнить смыслъ нашихъ словъ, то для насъ не можетъ быть сомнѣнія, что *вещество не можетъ быть безъ силы, и сила безъ вещества*. Это аксіома, истина, очевидная безъ всякихъ опытовъ и наблюдений. Такъ понялъ это и Дюбуа-Реймонъ, но не такъ понимаетъ это Бюхнеръ, хотя этимъ самымъ положеніемъ онъ начинаетъ свою книгу. Для него это есть выводъ изъ опытовъ и наблюдений; «мы не знаемъ, говоритъ онъ, примѣра, чтобы хоть одна частица вещества не была одарена силами.» Правда онъ пытается, говоря его слогомъ, доказать *идеально*, что вещество не можетъ быть безъ силы; но такъ какъ онъ имѣетъ *методу* не давать никакихъ опредѣленій, то совершенно неизвѣстно что онъ называетъ веществомъ и что силою и потому разумѣется никакъ невозможно идеально убѣдиться, почему его вещество не можетъ быть безъ его силы, и наоборотъ.

Еслибы Бюхнеръ понялъ дѣйствительно отношеніе силы и вещества, то безъ сомнѣнія онъ, какъ Дюбуа-Реймонъ понялъ бы и то, что слѣдовательно *въ сущности нѣтъ ни вещества, ни силъ*. Для матеріализма, по самой сущности дѣла, такое признаніе невозможно; нетолько признаніе существованія вещества, но и признаніе *особенной* сущности силъ есть существенная черта матеріализма.

Для большей убѣдительности замѣчу, что Дюбуа-Реймонъ не смотря на свое отрицаніе вещества, остался однакоже матеріалистомъ; но это не прошло ему даромъ: внутреннее противорѣчіе привело его въ отчаяніе. Вотъ что онъ пишетъ.

«Еслиже спросятъ, чтоже наконецъ остается, если ни силы, ни вещество не имѣютъ дѣйствительнаго существованія, — то тѣ, которые въ этомъ согласны со мною, будутъ отвѣчать слѣдующимъ образомъ. Въ этихъ вещахъ человѣческому духу не суждено выпутаться изъ окончательнаго противорѣчія. Поэтому, вмѣсто того, чтобы кружиться въ бесплодныхъ умозрѣніяхъ или разсѣкать узелъ мечемъ самообольщенія, мы предпочитаемъ держаться созерцанія вещей, какъ онъ есть, довольствоваться, по словамъ поэта, *«чудесами существующаго»* (Wunder dessen, was da ist). Потомучто мы никакъ не можемъ рѣшиться,

не находя правильного объясненія на одной дорогѣ, закрыть глаза для недостатковъ другой только потому, что нѣтъ третьей; и мы имѣемъ достаточно самоотрѣченія, чтобы освоиться съ представленіемъ, что можетъ-быть всякая наука имѣетъ своею послѣднею цѣлью не пониманіе сущности вещей, а только пониманіе того, что эта сущность непонятна. Такъ на примѣръ задачею математики стала наконецъ не квадратура круга, но доказательство, что эта квадратура невозможна; задачею механики стало не изысканіе вѣчнаго движенія (perpetuum mobile), но доказательство, что оно невозможно»⁽¹⁾

Отчаяніе — есть дѣло очень обыкновенное въ естественныхъ наукахъ, но рѣдко оно выражается столь систематически и рѣзко. Источникъ его въ настоящемъ случаѣ совершенно ясенъ. Дюбуа-Реймонъ переступилъ заповѣдную грань; вмѣсто того, чтобы представлять и представлять, онъ началъ мыслить, онъ сдѣлалъ дерзкій шагъ въ новую, незнакомую ему область. Тогда прежній его міръ, яркій міръ представленій вдругъ исчезъ передъ его глазами, и такъ какъ онъ не умѣетъ видѣть, не умѣетъ идти впередъ въ новомъ мірѣ, въ мірѣ мысли, то ему показалось, что его обхватилъ непроницаемый мракъ.

Ссылки на математику и механику очень неудачны; математика не потеряла ничего, когда дошла до невозможности найти квадратуру круга; невозможность вѣчнаго движенія опирается только на лучшемъ пониманіи дѣйствительно возможныхъ движеній; но сказать, что наука о природѣ ведетъ прямо къ *непониманію* природы, что окончательный результатъ ея есть чистое противорѣчіе, значить ни больше ни меньше какъ признать невозможность всей науки.

Бюхнеръ, не понимая отношенія силы и вещества, разумѣется не могъ понять и отчаянія Дюбуа-Реймона. Говоря языкомъ Дюбуа-Реймона, Бюхнеръ *разсѣкъ этотъ узелъ мечомъ самообольщенія*, то-есть въ сущности онъ принялъ особенное существованіе силъ и вещества. Силу, говоритъ онъ, нельзя представлять безъ вещества и обратно вещество безъ силы; но для него это служитъ только доказательствомъ, что и сила существуетъ, и вещество существуетъ, и

⁽¹⁾ Uotersuchungen uber thierische Electricitat. 1 Bd. Vorrede.

что притомъ они существуютъ нераздѣльно. Ничего темнаго онъ здѣсь не находитъ; это для него *простѣйшая истина*.

Если мы откажемся отъ олицетвореній матеріализма, если будемъ держаться самого общаго смысла вещества и силы, то, собственно говоря, неразрывность ихъ сводится на то положеніе, что *вещество есть нѣчто дѣйствующее*, т. е. что съ нимъ происходятъ перемѣны, совершаются явленія и что причина и основаніе этихъ явленій и перемѣнъ есть *само* вещество. Признать неразрывность силы и вещества, значить просто признать *самодѣтельность вещества*.

Чтобы видѣть важность такого признанія замѣтимъ, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ принятіе вещества за простой матеріалъ, за неизмѣнную и недѣятельную массу, которая необходима для явленій, но сама произвести ихъ не можетъ. Такъ понимаетъ его и матеріализмъ. *Бытіе и дѣятельность* суть общія понятія, подъ которыя мы подводимъ все существующее; но умъ человѣческой съ особеннымъ упорствомъ останавливается на понятіи *бытія* и на всемъ что подходитъ подъ это понятіе. Явленіями этого постоянного упорства наполнены всѣ лѣтописи наукъ, вся исторія мышленія. Такое направленіе ума вытекаетъ изъ самой его природы; онъ стремится подъ явленіями найти сущность, среди перемѣнъ открыть неизмѣнное, среди безконечнаго міра отыскать тотъ центръ, который самъ остается нераздѣльнымъ и неподвижнымъ, и изъ котораго выходитъ всякая раздѣльность и всякое движеніе. Такъ какъ въ этомъ состоитъ самое существенное стремленіе ума, то въ ошибкахъ, идущихъ по этому направленію, состоятъ и существенныя заблужденія ума. Такъ неизмѣнность сущности обыкновенно полагается въ ея *самонедѣтельномъ бытіи*.

Мѣжду-тѣмъ такого бытія нѣтъ; все что существуетъ, существуетъ настолько, насколько дѣйствуетъ, — самая сущность вещей состоитъ въ дѣятельности. Такъ точно и сущность вещества состоитъ въ его дѣятельности.

Дѣятельность есть понятіе болѣе трудное, чѣмъ *бытіе*. Бытіе такъ или иначе мы можемъ представлять; дѣятельности же вообще нельзя представлять. Мы видѣли, что натуралисты принуждены были

прибѣгнуть къ сравненію, чтобы обозначить дѣятельность вещества. *Сила* всегда будетъ не что иное, какъ отвлеченіе отъ *силы животнаго*.

Поэтому, ограничиваясь однимъ представленіемъ, матеріалисты и натуралисты никакъ не могутъ понять самодѣятельности вещества. Въ самомъ дѣлѣ имъ нужно представить себѣ такую сущность вещества, чтобы изъ нея необходимо вытекала его дѣятельность; обратно имъ нужно представить такую дѣятельность, чтобы она заключала въ себѣ и сущность вещества, чтобы отъ нея зависѣла и самая протяженность вещества и все разнообразіе пространства и времени.

Извѣстно, что динамическая теорія вещества считаетъ сущностію не вещество, а силы; вещество по этой теоріи само происходитъ отъ взаимодействія двухъ силъ, притягательной и отталкивательной. Но этого мало. Нужно найти силу въ полномъ смыслѣ *живую*, т.-е. внутреннюю, немеханическую; нужно открыть ея законъ, не математическій, но служащій основою всѣмъ математическимъ законамъ. Чтобы понять жизнь вещества, нужно проникнуть въ эти внутреннія біенія его пульса, нужно мысленно постигнуть глубокія движенія его сущности. Только тогда можно будетъ разсматривать міръ какъ одно цѣлое, какъ гармоническую сферу.

VII

Предметъ, о которомъ мы говорили выше, т.-е. отношеніе между пространствомъ, временемъ и веществомъ, и между веществомъ и движеніемъ, или силою, можетъ быть обработанъ съ большею полнотою и съ большею отчетливостію; предыдущія разсужденія способны принять характеръ опредѣленности и строгости, ни чѣмъ не уступающей строгости математическихъ выводовъ. Настоящая статья необходимо ограничивается только бѣглымъ очеркомъ всего вопроса.

Въ заключеніе я приведу, какъ одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ, отношеніе матеріалистическаго мышленія къ понятію о Богѣ. Понятіе о Богѣ есть *понятіе по преимуществу*, т. е. менѣе чѣмъ что-либо другое доступно представленію. По самому обыкновенному пониманію отъ Бога все зависитъ, все отъ него происходитъ, онъ есть начало и

смысль всего существующаго. Слѣдовательно для мышленія онъ представляетъ глубочайшую глубину, крайнюю точку, до которой оно можетъ достигнуть.

Матеріалистическое мышленіе, слѣдую своему обыкновенному ходу, стремится *представить* себѣ Бога, и потому впадаетъ въ неисчислимыя затрудненія. Представлять что-нибудь значить по самой сущности этого дѣйствія ума отдѣлять этотъ предметъ отъ другихъ, ставить его особо, независимо. Поэтому даже отвергая человѣкоподобное пониманіе Бога, признавая его духомъ, вездѣ-сущимъ и проч., матеріалистическое мышленіе все-таки никакъ не можетъ постигнуть его существенной черты. Оно все-таки воображаетъ Бога какимъ-то тонкимъ воздушнымъ существомъ на ряду со всѣми другими существами, слѣдовательно безъ существеннаго отношенія къ нимъ. Неудивительно поэтому, что такое воображеніе не представляетъ ничего понятнаго и ни мало не служитъ къ пониманію міра.

Между явленіями матеріалистическаго мышленія въ этомъ отношеніи встрѣчаются очень поразительныя. Мы видѣли, что развиваясь, строго-последовательно, оно находитъ въ основѣ всего существующаго — *пространство, время, вещество и силы*. Только эти сущности оно можетъ себѣ *представлять* и потому только они и признаются существующими. Все остальное нельзя представлять, слѣдовательно вообще нельзя познавать, слѣдовательно и нельзя полагать существующимъ.

Поэтому, встрѣчаясь съ понятіемъ о Богѣ и не находя его въ своемъ собственномъ развитіи, матеріалистическое мышленіе, нерѣдко старается поставить это понятіе въ связь со своими сущностями. Такимъ образомъ оно то находитъ какое-то сродство Бога съ пространствомъ, то готово признать Богомъ самое вещество, то наконецъ сравниваетъ Бога съ силою.

Исторія мышленія полна примѣровъ этого рода. Вольтеръ, постоянно боровшійся противъ матеріализма, а между-тѣмъ самъ доходившій до послѣднихъ крайностей матеріалистическаго мышленія, пишетъ слѣдующее:

«*Ньютонъ* разсматриваетъ пространство и время какъ два существа, которыхъ существованіе необходимо слѣдуетъ изъ самого Бога; ибо безконечное существо существуетъ въ каждомъ мѣстѣ, слѣдовательно каждое мѣсто существуетъ; безконечное существо существуетъ безконечное время, слѣдовательно безконечное время есть нѣчто существующее.»

Замѣтимъ, что все это разсужденіе цѣликомъ принадлежитъ Вольтеру. Ньютонъ никогда не доходитъ до такой смѣлости и опредѣленности; на примѣръ онъ нигдѣ не называетъ пространство и время *существами*. Въ этомъ случаѣ Вольтеръ обращается съ Ньютономъ, какъ нерѣдко обращаются съ великими авторитетами, т. е. взводитъ на него собственныя мысли, чтобы придать имъ больше твердости. Вольтеръ и самъ почти признается въ этомъ, потому что вслѣдъ за приведенными словами говоритъ:

«У Ньютона, въ концѣ его вопросовъ оптики, вырвались слѣдующіе слова: *эти явленія природы не показываютъ ли, что есть существо безтѣлесное, живое, разумное, вездѣ присущее, существо, которое въ безконечномъ пространствѣ, какъ въ своемъ чувствилищѣ (Sensorium) все видитъ, различаетъ и понимаетъ самымъ близкимъ и совершеннымъ образомъ?*»⁽¹⁾.

Дѣйствительно таковъ смыслъ словъ Ньютона, подавшихъ поводъ къ разсужденіямъ Вольтера, но эти слова передѣланы Вольтеромъ. Мы приведемъ подлинныя выраженія Ньютона, такъ какъ въ нихъ содержится больше, чѣмъ въ этой передѣлкѣ.

«Первоначальное устройство такихъ чрезвычайно искусныхъ частей животныхъ, какъ глаза, уши, мозгъ, мускулы, сердце и пр., также инстинктъ звѣрей и насѣкомыхъ, все это не можетъ быть произведеніемъ чего-нибудь другого, кромѣ мудрости и искусства могущественнаго, вѣчно живого Дѣятеля, который, будучи во всѣхъ мѣстахъ, можетъ двигать тѣла съ заключенными въ его безграничномъ и однообразномъ чувствилищѣ, и такимъ образомъ образовывать и преобразовывать части міра гораздо легче, чѣмъ мы можемъ двигать по нашей волѣ частями нашего тѣла. Мы не смотримъ однакоже на міръ,

⁽¹⁾ Elements de Philos. de Newton. Ch. II.

какъ на тѣло Бога и на части міра, какъ на части Бога. Богъ есть однообразное существо, лишонное органовъ, членовъ или частей, и они суть его созданія, подчиненныя ему и служащія его волѣ».

«Органы чувствъ не служатъ для того, чтобы ощущать образы вещей, а только для того, чтобы доводить эти образы до чувствилища; Богъ же не имѣетъ нужды въ такихъ органахъ, такъ какъ онъ повсюду присущъ самымъ вещамъ».

Вотъ замѣчательныя слова, выражающія одну изъ величайшихъ крайностей матеріалистическаго мышленія. Вольтеръ очевидно менѣе поглощенъ представленіями, нежели Ньютонъ; у Вольтера есть три особыя существа — Богъ, пространство и время, и Богъ только наполняетъ собою пространство и время. У Ньютона же между Богомъ и пространствомъ являются самыя тѣсныя отношенія: пространство есть чувствилище божіе; если міръ не можетъ быть тѣломъ Бога, потому что Богъ есть *существо однообразное, однородное*, то пространство, будучи само однообразнымъ, очевидно можетъ быть тѣломъ и чувствилищемъ Бога; самая дѣятельность божія, образованіе и преобразование міра у Ньютона тѣсно связаны съ этимъ воплощеніемъ Бога въ пространство.

Изъ другихъ мѣстъ ньютоновыхъ сочиненій можно заключить, что онъ дѣйствительно такъ *представлялъ* себѣ Бога; такъ напримѣръ самыя явленія тяготѣнія, которыя онъ открылъ, онъ готовъ былъ приписать непосредственному дѣйствию божію.

Понятно, почему Лейбницъ вооружился противъ такихъ мнѣній, почему онъ говорилъ, что въ Англіи кажется *падаетъ и естественная религія*. Англичане очень обидѣлись такимъ упрекомъ и изъ этого возникла полемика, давшая поводъ Лейбницу высказать многія замѣчательныя соображенія. Впослѣдствіи Вольтеръ объявилъ себя на сторонѣ англичанъ.

Такъ какъ явленія мышленія совершаются по строгимъ законамъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ наше время встрѣчаются повторенія мнѣній и разногласій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы привели. Вообще новый нѣмецкій матеріализмъ, надѣлавшій столько шума, въ сущности не представляетъ ничего новаго, такъ что любители *новой*

истины, проявляющейся въ мірѣ, напрасно думаютъ, что нашли ее въ матеріализмѣ.

Бюхнеръ въ первыхъ же главахъ говорить о Богѣ. Онъ думаетъ, что нераздѣльность силы и вещества и безсмертіе вещества прямо опровергаютъ существованіе Бога. Такъ какъ онъ по обычаю даже и не пробуетъ объяснить что онъ разумѣетъ подѣ понятіемъ Бога, то разумѣется его заключенія не имѣютъ ни малѣйшей силы. Отрицать существованіе чего бы то ни было, можно только выходя изъ точнаго понятія отрицаемаго предмета; не зная самъ что отвергаешь, нельзя ничего отвергнуть.

Поэтому намъ любопытно здѣсь не рѣшеніе самого вопроса о бытіи божіемъ, а только то, какъ Бюхнеръ понимаетъ бытіе Бога. Какъ онъ его понимаетъ, такъ и отвергаетъ.

Чтоже оказывается? Бюхнеръ представляетъ Бога въ видѣ *силы*; правда онъ называетъ его *творческою силою*, онъ приписываетъ этой силѣ *произволь и намѣренія*; но все-таки считаетъ эту силу такою же, какъ вещественныя силы, о которыхъ говорилъ выше. Понятіе о Богѣ, по его мнѣнію, есть понятіе о силѣ, *отдѣльной* отъ вещества, и вотъ онъ отвергаетъ существованіе Бога, основываясь на томъ, что *нѣтъ силы безъ вещества и нѣтъ вещества безъ силы*.

«Движеніе вещества — говоритъ Бюхнеръ — слѣдуетъ только законамъ, которые дѣйствуютъ въ немъ самомъ; различныя явленія вещей суть не что иное, какъ продукты различныхъ и многообразныхъ, случайныхъ или необходимыхъ комбинацій вещественныхъ движеній. Нигдѣ и никогда, ни въ какую эпоху, ни въ какихъ отдаленнѣйшихъ пространствахъ, куда только проникаютъ наши телескопы, не было найдено факта, который бы служилъ исключеніемъ изъ этого правила и который бы привелъ къ необходимости признать самостоятельную силу, дѣйствующую непосредственно и внѣ вещей.»

Понятно, что рассуждая подобнымъ образомъ, нельзя ничего доказать; откуда Бюхнеръ взялъ, что Богъ есть сила, подобная вещественнымъ силамъ? Не все ли это равно, какъ доказывать, что телескопы находятъ въ небесахъ только различныя небесныя тѣла, и

что до сихъ поръ въ телескопъ нельзя было усмотрѣть ни Бога въ его *молніецвѣтной ризѣ*, ни ангеловъ съ пламенными мечами?

Далѣе у Бюхнера есть выраженіе, поразительное своею несообразностью.

«Представлять себѣ — говорить онъ — эту силу погруженною въ вѣчный, самодовольный покой или внутреннее самосозерцаніе — будетъ также пустое и произвольное отвлеченіе, неимѣющее эмпирическихъ основаній.»

Очевидно представлять себѣ вещественную силу *въ покоѣ, самодовольною, самосозерцающею* — есть невообразимая нелѣпость, нестерпимая чепуха; а Бюхнеръ думаетъ, что это только *произвольное отвлеченіе*, что оно не можетъ быть принято только за недостаткомъ эмпирическихъ основаній.

Отсюда видно между-прочимъ какъ дурно понимаетъ Бюхнеръ самое значеніе силы; еслибы онъ точнѣе понималъ его, онъ не сталъ бы сравнивать Бога съ вещественною силою, не сталъ бы говорить о *произволѣ силы, о намѣреніяхъ силы*, и т. п. Совершенно ясно, что Бюхнеръ склоненъ къ *олицѣтворенію силы*, то есть готовъ понимать ее какъ силу животнаго, какъ что-то живое, связанное съ мертвымъ веществомъ.

Его разсужденія о Богѣ, взятая во всей ихъ совокупности, не имѣютъ ни малѣйшей твердости. Что бы онъ ни говорилъ о веществѣ и силѣ, какъ бы онъ ни понималъ то и другое, все-таки по коренному смыслу самаго понятія о Богѣ, и вещество и силы и всѣ ихъ свойства и дѣйствія полагаются вполнѣ зависящими отъ Бога. Доказать что бы то ни было относительно Бога матеріализмъ не можетъ, потому что онъ не можетъ схватить самое это понятіе, не можетъ мыслить, а только представлять. Поэтому правильный матеріалистическій атеизмъ долженъ опираться на самой этой невозможности. Онъ долженъ разсуждать такъ: когда я *представляю* себѣ вещество и силы, то представляю ихъ самостоятельными, ни отъ чего независимыми, слѣдовательно я не могу считать ихъ зависящими отъ чего бы то ни было; самой зависимости я не могу *представить*, слѣдовательно ея нѣтъ, нѣтъ ничего, отъ чего бы зависѣла сущность вещества и силъ.

Такимъ образомъ и матеріализмъ съ своей стороны держится знаменитаго начала *тожества бытія и мышленія*; что для него не мыслимо, то онъ считаетъ несуществующимъ; существующимъ же и дѣйствительнымъ онъ признаетъ только то, что онъ мыслить, и только такъ, какъ онъ его мыслить.

Мы видѣли, что коренное начало матеріалистическаго мышленія есть *представленіе*; въ представленіи вся его сила и матеріализмъ рушится, какъ скоро мысль освобождается отъ такой односторонности и начинаетъ дѣйствовать съ большимъ самообладаніемъ.

Такое освобожденіе есть важный шагъ въ умственной жизни, потомучто сила представленій чрезвычайно велика. Чистая мысль *эфирна*, по выраженію Гегеля, то-есть она легка, прозрачна и подвижна; она знаетъ сама себя, свободно управляетъ сама собою; въ ней нѣтъ никакого принужденія, потомучто дѣятельность разума основана на полномъ самоопредѣленіи.

Мы не жалуемся на то, что принуждены мыслить извѣстнымъ образомъ, какъ скоро сознаемъ полную разумность этого мышленія; точно также мы не жалуемся на то, что насъ мучить потребность мыслить, какъ скоро наше мышленіе удовлетворяетъ этой потребности.

Другое дѣло представленія; въ области ума они составляютъ нѣчто темное, тяжолое, и неподвижное. Они не сами себя опредѣляютъ, но какъ-будто принуждены извнѣ принять извѣстныя формы. Мы чувствуемъ, что они не покорны власти ума, непроницаемы для его взгляда. Они не удовлетворяютъ насъ, являясь какими-то загадками и преслѣдуютъ насъ, какъ призраки или видѣнія, отъ которыхъ невозможно отдѣлаться. Какъ тотъ, кто долго игралъ въ карты, видитъ ихъ потомъ цѣлую ночь и вспоминаетъ ихъ утромъ, такъ и тотъ, кто долго игралъ *атомами*, или силами и пустымъ пространствомъ, не можетъ забыть ихъ, не можетъ перейти отъ нихъ къ другимъ понятіямъ. Приведу по этому случаю наивное признаніе Берцеліуса. «Вслѣдствіе своихъ занятій философіею, говоритъ онъ, многіе натуралисты заранѣе предубѣждены въ безконечной дѣлимости вещества и потому даже безъ изслѣдованія отвергаютъ атомы какъ нелѣпость; но это затрудненіе только временное, потомучто возраженія, основанныя на привычкѣ къ

извѣстнымъ философскимъ убѣжденіямъ, теряють свою силу по мѣрѣ того, какъ съ ними борется опытъ»⁽¹⁾. Зная настоящій смыслъ атомовъ, мы должны это понять такъ, что философскія убѣжденія постепенно теряють свою силу, по мѣрѣ того какъ съ нимъ борются представленія.

Если же такъ, если дѣло идетъ о борьбѣ *привычекъ*, о перевѣсѣ той или другой стороны дѣятельности ума, то ясно, что мышленіе дѣйствуетъ не всецѣло, не со всею своею общностію и свободою. Между-тѣмъ мы хотимъ мыслить такъ, какъ вообще должно мыслить; мы не хотимъ подчиняться какимъ-нибудь особенностямъ, причудамъ или увлеченіямъ мышленія. Чтобы достигъ истины, мы желаемъ приобрести мышленіе чистое, нормальное, всюду и для всѣхъ одинаковое, неизмѣнное и единственное.

Слѣдовательно нужно учиться мыслить.

Н. СТРАХОВЪ

⁽¹⁾ Theorie des proport. chim. p. 22.